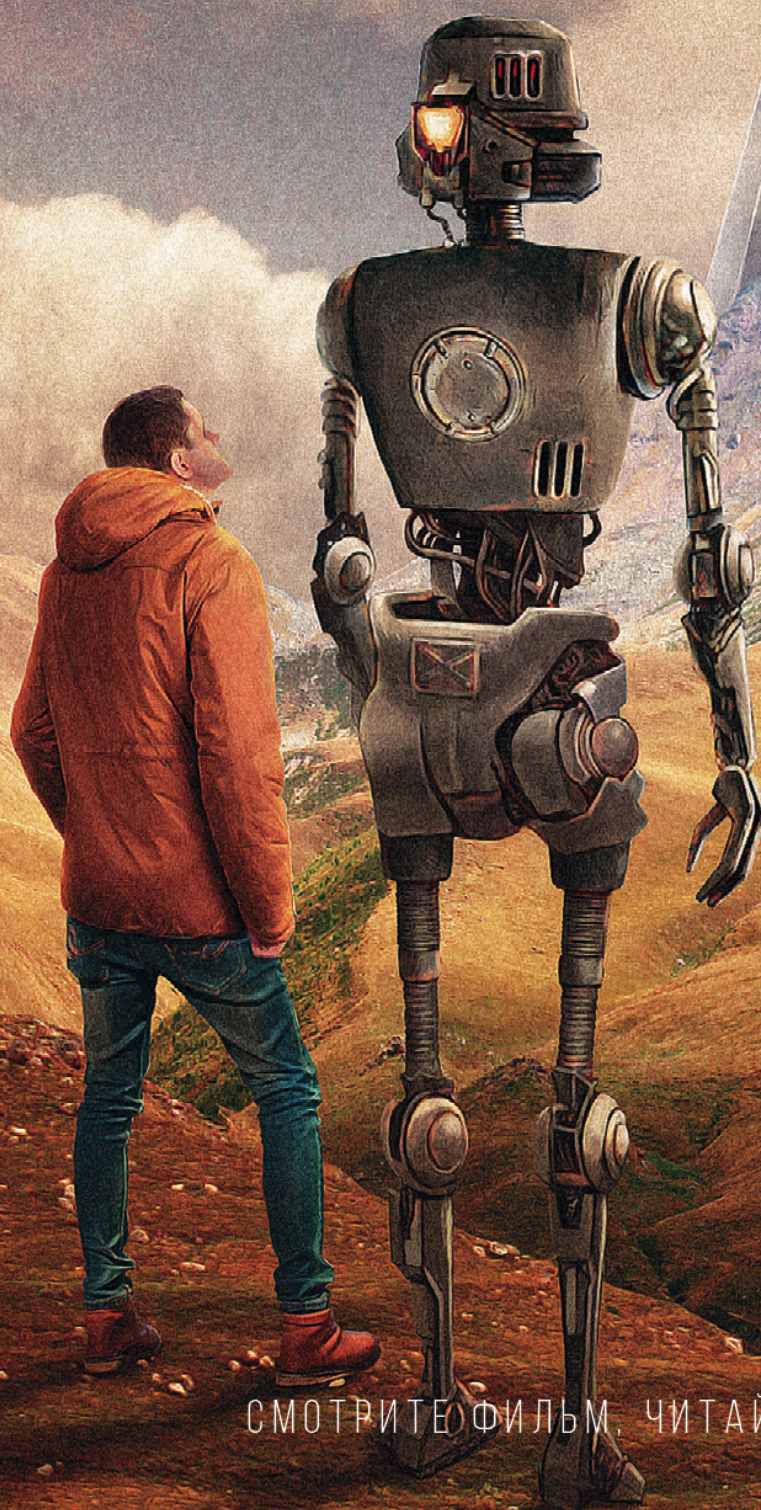

СЕРГЕЙ ЛУКЬЯНЕНКО

Чистовик

СМОТРИТЕ ФИЛЬМ, ЧИТАЙТЕ КНИГУ!

Работа над ошибками

Сергей Лукьяненко

Чистовик

«АСТ»

2007

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Лукьяненко С. В.

Чистовик / С. В. Лукьяненко — «АСТ», 2007 — (Работа над ошибками)

ISBN 978-5-17-107192-9

Сначала был «Черновик». Роман, покоровший сердца сотен тысяч любителей фантастики. Теперь человек, стертый из этого мира, сумел разорвать невидимые цепи, привязавшие его к миру иному. Он свободен, но бывшие хозяева по-прежнему охотятся за ним. «Черновик» судьбы написан. Настало время «Чистовика»!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-107192-9

© Лукьяненко С. В., 2007
© АСТ, 2007

Содержание

Чистовик	5
1	5
2	12
3	19
4	26
5	36
6	43
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Чистовик

1

Железнодорожный вокзал – место преображений. Мы входим в поезд и перестаем быть собой. Отныне мы обретаем другое прошлое и рассчитываем на другое будущее. Случайному попутчику мы готовы рассказать все, что с нами было, а также то, чего с нами никогда не было. Если судить по разговорам в поезде, то в мире нет скучных людей с неинтересными биографиями.

Вот за это я и люблю поезда.

Даже южных направлений.

Впрочем, купе оказалось неожиданно чистеньким, нехарактерным для украинского поезда. На полу постелена дорожка, на столике белая салфетка и пластиковые цветочки в вазочке, куда зачем-то налили воду. Серенькое, но все-таки чистое белье оказалось уже заправлено. Над окном в металлической подвеске висел телевизор – не плоский монитор, что было бы разумнее, а пузатый кинескопный, но все-таки...

Да, вагон СВ имеет свои преимущества. Не только в одном соседе по купе, но и вообще в комфорте.

Забросив сумку на полку, я прикрыл дверь купе и вышел на перрон. Под ногами хлюпала каша из снега и грязи. Дул мокрый ветер – погода ничуть не напоминала московскую, скорее так бывает зимой у моря, где-нибудь в Ялте или Сочи. Южный поезд будто принес с собой влажное соленое тепло. Я закурил. Рядом притопывали ногами проводницы, громко разговаривая на суржике. Кляли какую-то Верку, на все лады обсуждали ее беспутное поведение.

Билеты в мягкий вагон я взял не по причине чрезмерной изнеженности. Просто не оказалось ни купейных, ни плацкартных. А откладывать поездку я не хотел. Чувствовал – если потяну хоть один день, то никуда не поеду. Хватит с меня приключений.

Или еще нет?

Пока я курил, в вагон прошли несколько пассажиров. Интересно, окажется кто-нибудь из них моим соседом? К примеру, эта худенькая большеглазая девушка в очках с тонкой оправой? Ох, вряд ли... А парень моего возраста, в строгом плаще и с дорогим алюминиевым чемоданом в руках? Тоже сомневаюсь. Ехидные железнодорожные боги наверняка отрядят мне в соседи вот этого дряхлого слепенького старичка, покашливающего на ходу. Или, что самое ужасное в поездках, вот эту молодую женщину с милейшим годовалым ребенком на руках. Вам доводилось присутствовать при смене подгузника в купе? Особенно когда у малыша от тряски и смены пищи расстроится животик? А ведь вентиляцию эта чудесная женщина заставит выключить заранее, чтобы не простудить младенца...

Полный мрачных предчувствий, я вернулся в свое купе. И обнаружил, что на этот раз мне все-таки повезло. Пусть не девушка в очках, но хотя бы ровесник. И уже доставший из своего пижонского чемодана бутылку пива.

– Добрый вечер. Саша. – Молодой человек встал и без лишних церемоний протянул мне руку.

– Добрый вечер. Кирилл.

– Вы не против? – Саша взглядом указал на бутылку.

– Пожалуйста-пожалуйста. – От его манеры общения я вдруг почувствовал себя не в своей тарелке. Яппи какой-то. Впрочем, нет. Скорее он походил на тех бездельников, что называют себя молодыми политиками и то устраивают свои митинги, то срывают чужие, но большей частью скандалят в интернете, будто склочные бабки в трамвае.

Если так – то мне предстоит веселый вечер! Молодые политики ни на минуту успокоиться не могут, у них все время высокая политическая активность.

– Хотел вас угостить. – Саша протянул мне бутылку. Ого. Хороший английский эль, не импортное пиво российского розлива и не пивное творчество наших украинских братьев.

– Спасибо. – Я не стал отказываться. Уселся на свою койку. Тем временем мой попутчик деловито распаковывал сумку – на свет явились еще пять бутылок пива, бастурма, сыр, фисташки. Зато – никаких обвислых трико и резиновых сланцев, в которые так любят переодеваться в поездах граждане. Впрочем, по виду Саши сразу было понятно, что в общественных местах он до тапочек не опускается. Идеально выбрит. Пострижен так, словно только с подиума сошел. Темно-синий костюм из тонкой шерсти выглядел очень дорого, но стоил наверняка еще дороже.

А еще Саша не стал по-рыбы трясти головой, осторожно, не развязывая узел, снимая петлю галстука, как делают не умеющие носить костюм люди. Нет, аккуратно развязал галстук, безукоризненно точно подобранный к цвету сорочки, извлек из сумки специальный чехол, заправил туда галстук, повесил на вешалку. Для пиджака, конечно же, тоже нашлась своя сумка с встроенными плечиками. Наверное, и для носков что-то имелось...

Я придвинулся к окну – как раз в тот момент, когда перрон дрогнул и стал уплывать. Я поехал в Харьков. Зачем? Мало мне было приключений за последнюю неделю? Да что там неделю... за последние сутки меня три раза едва не убили!

– Москвич? – спросил Саша.

– Что? – Задумавшись, я не сразу услышал его слова. – Да, москвич.

– Я тоже, – будто отвечая на пароль, произнес попутчик.

– Бизнес? – спросил я. В общем-то мне совершенно не было до него дела. Но надо же как-то поддержать разговор, тем более если собеседник угощает тебя пивом...

– Ну... не совсем. – Казалось, Саша задумался. – Хотя можно сказать и так.

– Политика? – совсем уж мрачно предположил я.

– В какой-то мере. – Саша засмеялся. – Хотя вы совершенно правы, Кирилл. Что-то среднее между политикой и бизнесом. Работаю в госструктуре. Бюрокрачу, можно так сказать, помаленьку! Политическими глупостями, конечно, не занимаюсь. Это дело политиков. А наше – чтобы государство жило, чтобы поезда ходили, хлеб рос, границы были на замке! В советское время сказали бы «функционер».

Я хлебнул еще пива и отставил бутылку. Функционер, значит...

– А вы работаете, учитеесь, Кирилл? – спросил Саша. И это было чересчур. От человека, который если и старше меня, так на год от силы, слышать доброжелательный вопрос «работаете, учитеесь»?

– Временно безработный, – сказал я.

– Надо говорить «нахожусь в поисках работы», – поправил меня Саша. – Это лучше звучит, поверьте! А кем работали?

– Функционалом, – раздраженно ответил я. Нет, ну какую надо иметь наглость, чтобы поучать незнакомого тебе человека! Видимо, эта бесцеремонность – она у всех чиновников вырабатывается. «Бюрокрачу помаленьку»! Чтоб хлеб, видите ли, был на замке, чтоб поезда росли и границы ходили...

– Какой функционал, если не секрет? – спросил Саша – и я вдруг уловил в его голосе неподдельное любопытство. – Никогда не встречал функционалов, способных путешествовать!

Мы уставились друг на друга. У меня застучало в висках.

– Вы знаете про функционалов? – спросил я.

– Конечно, – спокойно ответил Саша. – Непревзойденные мастера какого-то дела, зато – прикованные к своей функции. Не можете отойти от нее дальше, чем на десять—пятнадцать километров. Я стригусь у парикмахера-функционала на Чистых Прудах.

– Так вы знаете о функционалах? – тупо повторил я.

Нет, а чего я удивляюсь? Все-таки я проработал несколько дней функционалом-таможенником, и через башню между мирами шастали и политики, и бизнесмены, и какие-то молодые поп-звезды с приятелями. Ко мне с инспекцией приходили политик и юморист. Достаточно много народа, чтобы понять – в Москве о функционалах знают несколько сотен обычных людей. Может быть, даже несколько тысяч. Те, кто входит в высшие эшелоны власти, бизнеса, массовой культуры, – они посвящены. А этот юноша не так-то прост, сразу видно...

Саша засмеялся:

– Знаю, знаю! Ну, как вам еще доказать? Хотите, назову таможни, которые есть в Москве?

– Лучше назовите пару чужих миров, куда вы ходили.

– Вероз! – немедленно сказал Саша.

– Нет такого мира! – с радостью отпарировал я.

– Ну как же нет? Это где города-государства. Где феодализм такой смешной с паровыми машинами... – Он прищелкнул пальцами. – Где Нут, Кимгим, Ганцзер...

Я кивнул. Да, конечно. Из моей таможни был выход в город-государство Кимгим. Очень милый город. Но помимо него существовали тысячи других городов-государств...

– Верю, – сказал я.

– Еще Заповедник, – продолжал Саша. – Еще...

– Верю, верю... – Я снова глотнул пива. – Да. Неожиданно как-то.

– Так какой вы функционал? – все с тем же доброжелательным любопытством спросил Саша. – Простите, если я излишне назойлив, если вам не хочется отвечать...

– Я таможенник, – признался я. Не уточняя, что уже бывший.

– И при этом способны путешествовать?

– Да.

– Фантастика! – Само существование функционалов Сашу ничуть не удивляло. – Ну, за это будет не грех и рюмочку... или как?

Он запустил руку в чемодан и жестом фокусника извлек фляжку «Мартеля».

Я покачал головой.

– Спасибо. Не стоит. Таможня под утро.

Саша засмеялся:

– А вы шутник! Функционал, робеющий перед таможней... – Он вдруг посерьезнел. – Границы, таможни... все строим и строим стеночки. Простым людям вред, а бандитам все равно не преграда... кому это нужно-то?

Вот странное дело. Говорил он вроде как искренне, и с его словами я был совершенно согласен. Но как-то наигранно все звучало, будто с трибуны. Невольно вспомнился политик Дима.

Неужто это у них всех – профессиональное?

– Никому не нужно, – все-таки согласился я.

– Вот, к примеру, возьмем Вероз – будто лоскутное одеяло, а настоящих границ почти и нет, – продолжал Саша, ловко нарезая бастурму. – Такой чудный, уютный мирок... знаете, я иногда подумываю, а не переселиться ли туда?

– Скажите, а как вы узнали про функционалов? – спросил я. – Про другие миры?

– По штату положено. – Парень широко улыбнулся. – Когда стал референтом у Петра Петровича, он меня и ввел в курс дел. Сами понимаете, дела требуют быть при шефе везде!

Мне показалось, что основным в его словах было «референт у Петра Петровича». Это уж точно было опознание по системе «свой-чужой». Как бы предполагалось, что функционал должен знать... и отреагировать.

– Как он? – спросил я, даже не уточняя кто. – Поправился?

Наверняка неведомому Петру Петровичу, которому по штату положены доверенные референты, не меньше полтинника. А в этом возрасте, да еще среди чиновников на грани бизнеса и политики, абсолютно здоровых людей нет.

Саша мигнул. Сказал:

– Тьфу-тьфу. Водички попил, диету подержал...

– Карлсбад? – наугад продолжил я.

И снова попал.

– Да, как обычно... – Вот теперь я для Саши окончательно стал «своим». Его перестала тревожить и моя вольность в передвижениях, и то, что он меня не знал. Откупорив бутылку и себе, Саша спросил: – Слышал анекдот про функционала-гинеколога?

– Ну? – неопределенно спросил я.

– Функционал-гинеколог забегает в кабинет коллеги и говорит: «Иди за мной! У меня такая пациентка...»

Вся беда тусовочных анекдотов в том, что они переделываются из обычных. И даже если ты не сумасшедший поклонник книг про Гарри Поттера, игры в МТГ или, упаси Господи, музыки в стиле рэп – ты все равно знаешь все их анекдоты. Заменяй Чапаева на Поттера, а Петьку на Рона; «с бубей зашли» на «ману тапнули»; Пугачеву – на Тимати или Дэдла. Так они все и создаются.

Из вежливости я все же улыбнулся. И рассказал в меру пошлый анекдот о суде над слишком любвеобильным грузином.

Саша жизнерадостно заржал, подвигая мне бутылку пива. Он был явно доволен случившейся компанией.

Я, если честно, тоже.

Мы пили пиво. Несколько раз выходили покурить – я угостил спутника реквизированными в Котиной машине «Treasure» и заслужил еще один одобрительный взгляд. Пива нам не хватило, и Саша вызвался сходить за ним в вагон-ресторан. Конечно, там английского эля не нашлось, но, как известно, после третьей бутылки понты пропадают, и все пиво становится одинаково вкусным.

Где-то во втором часу ночи мы легли спать – в самом благодушном настроении. Александр мгновенно захрапел, но за перестуком колес это меня как-то не очень тревожило. Вентиляция в вагоне работала, что было совсем уж редким счастьем для украинского поезда. Подложив руку под голову, я лежал на спине, смотрел в бегающие по потолку отсветы фонарей – мы приближались к какому-то городку.

Интересные дела... Из всех пассажиров достался попутчик, знающий о функционалах. Да еще и ловко разговоривший меня. Совпадение? Или ловушка? Я вырвался из системы. Нарушил законы функционалов. Можно прямо сказать – поднял мятеж. Победил полицейского Андрея, убил акушерку Наталью, а потом ухитрился уйти от куратора... от своего бывшего друга Коти.

Конечно, если исходить из здравого смысла, то совпадение маловероятно и Саша – «засланный казачок». Но с другой стороны, если полагаться на здравый смысл, то я давным-давно лежу на больничной койке и брежу – потому что разве можно поверить в иные миры, куда ведут тайные двери, разгуливающих по городу функционалов и управляющих всем этим таинственных экспериментаторов?

Я поднял руку, сонно посмотрел на стальное колечко, надетое на палец. Все, что осталось от моей функции...

Надо спать. Вряд ли попутчик, случайный он или подсланный, собирается напасть на меня ночью. Не было у меня ощущения опасности, а своим предчувствиям я доверял. Завтра с утра приеду в Харьков, буду искать Василису, женщину странную, но чем-то внушающую доверие...

Поезд все замедлял и замедлял скорость. Издалека донесся лязгающий железный грохот вокзальных громкоговорителей: «Скорый поезд номер девятнадцать... Москва—Харьков... прибывает на второй путь...» По стене поплыл яркий прямоугольник света, выхватывая прижатые резинкой брюки, заброшенные на сетчатую полку вместе с мятым свитером носки (да, я свинья, извините!).

Приподнявшись на локте, я потянулся к неплотно задернутой занавеске. И невольно глянул на приближающийся перрон.

В самом начале, там, где должен будет остановиться последний вагон, стояла группа молодых людей – человек десять—двенадцать. Все коротко стриженные, с непокрытыми головами, в легких плащах или куцых кожаных куртках. Все внимательно оглядывающие вагоны.

Лица их показались мне смутно знакомыми – не по отдельности, а общим типажом. Вроде все как у всех, но что-то чужое проглядывает.

Дальше перрон был пуст – не так уж и много людей встречает полночный проходящий поезд в маленьком провинциальном городке.

Хотя... Метрах в тридцати по перрону стоял молодой парень, выглядевший так, словно случайно отбился от первой компании. С интервалом еще в двадцать—тридцать метров сучала парочка молодых и подтянутых. Потом еще один. Вдалеке, над вокзалом, тускло светилось слово «ОРЕЛ».

Я начал одеваться, по-прежнему глядя в окно. Джинсы, носки, ботинки... Свитер. На сумку я лишь посмотрел – и брать не стал. Там одни только шмотки. Я набросил куртку, хлопнул по карману, ощутил тяжесть бумажника. Все, мне пора...

– Отлить или дымить? – спросил со своей койки Саша, прекратив похрапывать.

– Ага... курить, – пробормотал я. – Спи...

И выскользнул в коридор. Поезд еще притормаживал, втягиваясь на перрон. Сейчас с головы и хвоста зайдут в него внимательные молодые люди... а у дверей каждого вагона встанут двое-трое.

Не знаю, смог бы я с ними справиться, будучи функционалом. Сейчас – точно не справлюсь. К гадалке не ходи.

Я пробежал по коридорчику, дергая холодные алюминиевые ручки окон. Закрыто... закрыто... закрыто... Четвертое окно поддалось, уползло вниз. Поплыли мимо мокрые рельсы, товарняк на запасных путях, замельтешила мокрая снежная морось в покачивающемся конусе света от жестяной лампы на столбе...

А потом я поймал взгляд коротко стриженного парня, одиноко стоящего на соседних путях. Он медленно, будто сонно, растянул губы в улыбке, помахал мне рукой. И, не таясь, снял с пояса коробочку рации.

Те, кто обложил поезд, ошибок не допускали. Оцепление стояло со всех сторон.

Капкан захлопнулся.

– Кирилл, ты куда собрался? – Саша, позевывая, высунулся из купе. Посмотрел на меня. В окно. Проводил кого-то взглядом и прищурился. Чутье на опасность у него было как у дикого зверя. Впрочем, и в самых непролазных джунглях вряд ли так же опасно, как в светлых и кондиционированных коридорах власти и бизнеса... – За тобой?

Я кивнул и спросил:

– Ты с ними?

– На фиг мне сдалось? – возмущенно воскликнул Саша. И я, как будто все еще был умеющим чутять ложь функционалом, понял: он говорит чистую правду. Он потому и возвращается в своих кругах «политики и бизнеса», «бюрократит в госструктурах», что никогда и ни с кем не ссорился. Ни в одной схватке не принимал участия, а был ко всем доброжелателен и твердо держал нейтралитет. Такие обычно не выбираются на самый верх, но зато и никогда не падают вниз.

– Мне надо уйти, – сказал я. – За мной гонятся.

Поезд задергался, проползая последние метры.

– Уходи, – с облегчением ответил Саша. – Удачи! Я рад бы помочь, но...

– Вот и хорошо, что рад, – сказал я. – Поможешь.

Я нырнул в купе, схватил свою сумку, выбежал обратно к открытому окну – вагон как раз вползал в тень под решетчатым мостиком, перекинутым через пути. И вышвырнул сумку наружу.

Кажется, Саша думал, что я собираюсь прыгнуть в окно следом за вещами. Даже шагнул ко мне, порываясь помочь. Но я дернул стоп-кран, чем заставил уже почти остановившийся поезд зашипеть тормозной пневматикой и остановиться с явным рывком. На голову ни в чем не повинного машиниста сейчас наверняка сыпались проклятия от проснувшихся пассажиров.

– Я выпрыгнул в окно, – сообщил я Саше. – Видел?

Несколько секунд Саша молчал, привалившись к стене, почесывал подтянутый не по профессии животик. Кто меня преследует, он не знал, и это здорово мешало принятию решения. Я был как бы «свой», но и от «своих» надо уметь вовремя отказаться...

Понять, какие мысли кружатся в его голове, было несложно. За то, чтобы помочь, и за то, чтобы выдать, – примерно одинаково доводов...

Саша отвернулся от меня, высунулся в открытое окно. И завопил в ночь:

– Стой, сука! Стой!

Дальше тянуть было нельзя.

Я метнулся обратно в купе. Глянул в узкую щель между занавесками – вроде как никто не смотрит... Встал на койку.

Мягкое купе в современном украинском исполнении немногим отличается от обычного. Сняты верхние полки и проведен кое-какой косметический ремонт. Багажная полка над дверью в купе осталась в неприкосновенности.

Туда я и забрался, подтянувшись со сноровкой человека, чьи пятки обжигает дыхание хищника.

В общем-то шансов у меня было немного. Самое худшее, что только может придумать беглец, – это спрятаться. Единственное спасение беглеца – бег, прятки – не более чем детская забава.

Но даже в бегстве есть место маневру...

– Я тебя из-под земли достану! – очень натурально орал в коридоре Саша. – Ворюга!

Наконец-то хлопнула дверь вагона, и в коридоре загрохотали чьи-то ноги. Было в этом топоте что-то единообразное, одинаковое, как у марширующих солдат или волочащихся по конвейеру школьников в пинкфлойдовской «Стене». Форма – она объединяет, даже если от нее остались лишь ботинки...

Я вдруг вспомнил рассказанную кем-то историю, как в дни московской Олимпиады милиционеров в массовом порядке переодели в штатское и отправили на патрулирование. Для чего закупили в дружественной нам Восточной Германии, которая тогда называлась ГДР, большое количество приличных костюмов, рубашек и галстуков... совершенно одинаковых. Наверное, чтобы никому не было обидно. А может быть, в голове у интендантов просто не укладывалось, что гражданская одежда имеет несколько фасонов? И по улицам Москвы пошли парочками коротко стриженные молодые люди в одинаковых костюмах. Поскольку из столицы еще и постарались вывезти на отдых всех детей – чтобы не кланчили у иностранцев сувениры, – то общее впечатление у зарубежных гостей сложилось чудовищное: забитый переодетыми агентами, мрачный, не приспособленный для человеческой жизни город.

– Что случилось, гражданин? – донеслось из коридора.

И у меня похолодело в груди.

Сказано это было по-русски. Вполне чисто и правильно. Вот только неуловимая нотка, легчайший акцент – он был чужим.

За мной охотились не наши функционалы и не наши спецслужбы. Поезд прочесывали уроженцы Аркана.

Оставалось надеяться, что Саша этого не заметит.

– Попутчик! Попутчик мой, козел! – с несколько чрезмерной экспансивностью воскликнул Саша. – Вот, вместе ехали...

По звукам я понял, что он буквально впихнул собеседника в купе – давая тому убедиться, что купе пусто. И тут же вытащил его обратно, к окну.

– Гнида! Пиво еще со мной пил как человек! Удрал в окно только что! Он, наверное, у меня бумажник спер... – Опять шорох – Саша заглянул в купе, схватил свой пиджак... И удивленно воскликнул: – Эй... а бумажник-то на месте! Вы куда? Ошибся я, он не вор...

– Ваш попутчик – крайне опасный террорист и убийца, – ответили ему уже издалека. – Радуйтесь, что остались живы, гражданин.

Я лежал тихо, как мышь, все еще не веря, что купе не обыскали. На багажной полке пахло пылью, дезинфекцией и почему-то коноплей. Впрочем, поезд южный... чему удивляться-то?

Меня спасло то, что ловцы были с Аркана, с Земли-один. Из мира, где все правильнее нашего. Где граждане в большинстве своем лояльны и говорят полиции чистую правду.

– Эй... убийца и террорист... – с некоторым сомнением позвал Саша. – Ушли они.

Я выглянул вниз. Спрыгнул на полку.

В вагоне было тихо. Пассажиры будто почуяли неладное – если кто и проснулся, то сидел по купе не высовываясь.

Саша смотрел на меня все с тем же сомнением – «правильно ли я делаю?».

– Пока, – сказал я и, пригибаясь, побежал к выходу из вагона.

Купе проводников было открыто. На перроне стояли и шушукались, что-то разглядывая, обе проводницы. Я глянул с лестницы им через плечо: это был листок с моей фотографией. Текст под фотографией я читать не стал – спрыгнул к проводницам и тихо произнес:

– Жить хотите?

Та, что постарше, закивала и прижала ладони к лицу. Та, что помоложе, открыла рот, собираясь завизжать.

Я зажал ей рот рукой. И сказал:

– Хочешь, чтобы детки твои спокойно во дворе играли?

Глаза у проводницы округлились, она будто окаменела.

– Тогда – обе никого не видели и ничего не слышали. – Я убрал руку.

Проводницы молчали.

Я глянул налево и направо – никого не было. Все то ли прочесывали поезд, то ли уже искали меня среди запасных путей и товарняков.

Со всех ног я кинулся к полутемному зданию вокзала.

2

Существует такая удивительная порода людей – укорененные москвичи. Не надо путать с коренными, те ничем, кроме легкого снобизма столичных жителей, от прочих россиян не отличаются! В отличие от них москвич укорененный – существо, за пределы Москвы не выезжающее, да и не стремящееся. Бывают разные степени укорененности. При самой запущенной человек рождается в роддоме имени Грауэрмана, хоронят его на Ваганьковском, а живет он (иногда – очень долго) где-то в промежутке между этими точками.

Про очень запущенный случай мне как-то рассказал отец. Его сослуживица в пятьдесят с лишним лет первый раз выехала из Москвы – в Питер, на научную конференцию. Перед поездкой она сильно нервничала, но только в поезде выяснилось, что женщина никуда и никогда не выезжала из Москвы. Даже в детстве в пионерлагерь! Даже летом на дачу! Без особых причин, просто не выезжала – и все тут! В поезде она всю дорогу не спала, вглядывалась в унылые пейзажи за окном. В Питере восхищалась Невой и Невским, Исаакием и Адмиралтейством, парадными и поребриками. Целый мир внезапно открылся для человека!

Я, хоть и вырос в Москве, но вопросом «есть ли жизнь за МКАДом» не задавался, в Питере был раз пять, побывал и в Рязани, и в Екатеринбурге, и даже в Красноярске. Ну и в Турции с Испанией, нынешней альтернативе Крыму.

Однако город Орёл был для меня полнейшая терра инкогнита. Ну, «город первого салюта» вместе с соседним Белгородом. Ну, какая-то крепость там была в старину... или сражение?

Вот и все, пожалуй.

Даже как зовут себя местные жители, я не знал. Орёльцы или орельцы? Орловчане? Орловяне? Орёльцы, орёлчанки и орловята?

Ответ я получил от дежурившего на привокзальной площади таксиста, которому я сообщил, что отстал от поезда и должен как можно быстрее приехать в Харьков.

– Меня мало чем удивишь, – философски сказал таксист, выглядывая в опущенное окно старой «волги». – Ты платишь, я тебя везу. Хоть в Москву.

В Москву?

Мне вдруг безумно захотелось назад. Домой, в Москву. В шумный мегаполис, где затеряться проще, чем в пустыне. А станут ли там меня искать? Может быть, погоня с тем и связана, что я не смирился, не начал вести прежнюю обыденную жизнь, а кинулся на поиски? Я как-то сразу поверил в это. Поеду сейчас назад, в Москву – и кошмар развеется. Вернусь на работу в «Бит и Байт», получу выволочку за прогул, помирюсь с Анькой...

Забуду Настю.

– Нет, – сказал я. – Мне в Харьков.

– Сколько?

Я понимал, что он имеет в виду. Но ответил неожиданно для самого себя:

– Как поедем-то? Сразу на Курск или через Знаменку?

Какая еще Знаменка? Я и про то, что дорога через Курск идет, не знал!

Водитель еще раз осмотрел меня. Куда внимательнее. Видимо, то, что он видел, и то, что я говорил, друг с другом не вязалось – будто на телеканал «Наше кино», где шли какие-нибудь «Девчата», наложилась звуковая дорожка фильма «Девки», идущего по каналу для взрослых.

– А фигли через Знаменку? – спросил водитель.

– Короче, – предположил я.

Нет, не предположил. Знал!

– Короче, да дольше. В Кромах застрянем... Ты орловчанин, что ль?

– Можно и так сказать. – Я улыбнулся. – Ну, за сколько повезешь-то?

Водитель вздохнул. Сплюнул через открытое окошко, неохотно сказал:

– Ну... я ж обратно никого не найду... Давай за семь?

По неизбежной московской привычке я мгновенно решил, что речь идет о сотнях долларов. И сказал:

– Шеф, ну это свинство, так ломить...

– Ну шесть тысяч, раз земляк. – Водитель покачал головой. – Меньше не повезу!

– Поехали. – Я глянул в сторону вокзала, обошел машину и сел на переднее сиденье.

До меня дошло, что в провинции крупные суммы считают не сотнями долларов, а тысячами рублей.

– Деньги вначале заплатишь, – предупредил водитель, не спеша заводить машину. – Я домой заеду, жене оставлю.

– Разумно, – согласился я и достал принадлежавший некогда Коте бумажник. Отсчитал шесть тысячных. Водитель аккуратно сложил их, спрятал в карман и повернул ключ зажигания. Спросил:

– А что на поезде-то не едешь?

– Отстал.

– Ну да. – Водитель усмехнулся. – Отстал... Вон хвост поезда из-за деревьев торчит...

А то могу до Курска довезти, быстрее поезда. Хочешь? Там сядешь в свое купе баиньки...

– До Харькова, – настойчиво повторил я.

– Мое дело простое, баранку крутить. – Водитель пожал плечами. – Но учти, если у тебя документы не в порядке или вдруг наркоту-оружие на границе найдут... это все твои проблемы.

– Нет у меня никакого оружия, – ответил я. – И наркотиками никогда не баловался. С такими мыслями – и пассажира берешь?

Водитель кивнул:

– Бери. Жить-то надо... И стекло опусти, ты мне тут все пивом провонял... гайцы останавливают – заманяюсь доказывать, что не я пил.

Дорогу до Курска я не запомнил – спал. Едва водитель отъехал от своего дома, где вручил деньги заспанной жене, как я отключился. Снилось всякая белиберда, которая даже не запоминается, но оставляет после пробуждения тяжелое гадостное ощущение.

Проснулся я уже на выезде из Курска. Водитель остановил «волгу» на заправке, сходил в магазинчик и купил пару банок холодного кофе. Остановка разбудила меня лучше любых колдобин на трассе Орел—Курск. Я заворочался, шурясь посмотрел на вернувшегося водителя. Булькал бензин, наполняя бак. Булькала упакованная в жесть кофеиносодержащая жидкость – назвать ее «кофе» язык не поворачивался, – стекая по пищеводу и наполняя желудок. Вкус вынуждал думать об этом напитке исключительно в скупых медицинских терминах.

– Будешь? – спросил водитель. Похоже, он убедился, что я не собираюсь нападать на него с целью завладеть машиной, – и подобрел.

– Тут туалет есть?

– Там, в магазинчике.

– Пойду ноги разомну...

Вернувшись, я взял предложенный кофе, открыл, сделал глоток. Мы вывернули с заправки на трассу. Начинало светать. Я закурил, опустив стекло до отказа. Воздух был прохладный и свежий – здесь зима еще не вступила в свои права, я снова вернулся в позднюю осень.

– Странный ты, – буркнул вдруг водитель. – Вроде и наш... и не наш. Не бандит, а деньги швыряешь не считая. Уснул вот... А если бы я тебя по голове тукнул – и в кювет?

– Я же вижу, что не тукнешь, – сказал я.

– Видел он... – Водитель хмыкнул. Машина неслась по ночному шоссе. Потряхивало – отремонтированная весной дорога к зиме уже была разбита.

Откуда я знаю, когда чинили дорогу? Откуда знаю расстояния между городами?

В конце концов, откуда мне известно, что жену водителя зовут Оксана, она моложе его на десять лет и проводит остаток этой ночи в постели соседа – с молчаливого попустительства своей матери, живущей с ними...

А вот имени водителя я не знаю.

Какие-то остаточные способности функционала? Проявляющиеся случайным образом?

– Странный ты, – вновь повторил водитель.

– Знаю.

– Тебе что важнее, парень, быстрее до Харькова добраться – или не чувствовать себя лохом?

Я хмыкнул:

– Вопрос... Хорошо бы, конечно, и то, и другое. Но добраться – важнее.

– Тогда я тебя высажу в Белгороде на автовокзале. И даже до местного таксиста доведу. У них на границе все схвачено, провезут быстро. А нас с тобой будут часа три мурыжить. Обойдется тебе удовольствие рублей в пятьсот.

– Ага. – Я кивнул. – Понял. И за сколько бы ты меня до Белгорода довез? Если бы я сразу так договаривался?

– Да тыщи за три – легко! – с нескрываемым удовольствием произнес водитель.

– Ясно. Ну, будет мне наука.

Некоторое время мы ехали молча. Потом водитель сказал:

– Пожалуй, пятихатку в Белгороде я за тебя заплачу.

– Почему? – поинтересовался я. – Не требую же...

– Я таксист, а не хрен с горы. – Водитель вытянул из пачки «Кэмэла» сигарету. – Это моя работа, я в ней хочу честным быть. Ну... – он искоса глянул на меня, – поторговаться, денег зарядить побольше – это все правильно. Хохлу – так я бы еще накинул... Но раз ты не ругаешься, денег назад не требуешь, то и я поступлю по совести. Я вот думаю, что если у нас все люди начнут работать увлеченно, с уважением к своей профессии – все наладится.

Мне захотелось рассмеяться. Но я промолчал, даже кивнул, соглашаясь с этим достойным настоящего функционала лозунгом.

Странное дело – вот такие короткие знакомства. Обычно они происходят в дороге, но порой ждут нас и в родном городе. Мы с кем-то встречаемся, говорим, едим и пьем, иногда ссоримся, иногда занимаемся сексом – и расстаемся навсегда. Но и случайный собутыльник, с которым вы вначале подружились, а потом наговорили друг другу гадостей, и скучающая молоденькая проводница, с которой ты разделил койку под перестук колес, и, в более прозаичном варианте, катавший тебя несколько часов таксист – все они осколки неслучившейся судьбы.

С собутыльником вы разругались так, что он зарезал тебя. Или ты – его.

Девушка-проводница заразила тебя СПИДом. Или же – стала верной и любящей женой.

Таксист так увлекся разговором, что въехал в столб. Или же – застрял в пробке, ты куда-то не успел, получил выговор от начальства, пришлось менять работу, уехать в другую страну, там встретить другую женщину, разбить чужую семью и бросить свою...

Каждая встреча – крошечный глазок в мир, где ты мог бы жить. И ловкий чиновник Саша, и провинциальный водитель, которому по ночам жена наставляет рога, – это все твоя неслучившаяся судьба. Мне они интересны.

Особенно когда я узнал, как легко стираются из жизни наши судьбы.

Зябко заложив руки в карманы (все-таки даже здесь, на юге, было холодно), я шел по утреннему, только просыпающемуся городу. Как обидно, что я не спросил у Василисы адрес... Хотя откуда я мог знать, что он мне понадобится?

В какой-то забегаловке с легким налетом украинского колорита я заказал себе порцию вареников, полтарелки борща, кофе и, поколебавшись, рюмку коньяка – согреться. Как ни странно, но вареники оказались ручной лепки и вкусные, к борщу прилагалась аппетитно пахнущая чесноком пампушка, кофе был приличным эспрессо, а коньяк (или скажем честно – украинский бренди) не вызывал рвотных позывов. К тому же в кафе стали забегать молоденькие девчонки какой-то повышенной по сравнению с Москвой симпатичности. Я всегда считал, что в Москве живут очень симпатичные девушки, но Харьков явно был вне конкуренции. На пятой или шестой девчонке, вызвавшей сильное желание с ней познакомиться, я счел за благо допить кофе и выйти под мелкий противный дождик.

Впрочем, улица облегчения не принесла. Поблизости явно был какой-то крупный институт или университет (а есть ли в Харькове университет? Не знаю... интуиция ничего не подсказывает), куда и шли на первые лекции студенты. Через минуту я поймал себя на том, что откровенно заглядываюсь на идущую параллельным курсом девушку, а та вполне благожелательно улыбается мне в ответ, – и резко свернул в переулок, пробормотав: «Жениться тебе надо, барин...»

К сожалению, я сюда не за невестой приехал. И не за галушками-варениками.

Я присел на лавочку во дворе старенького трехэтажного дома – облупившаяся штукатурка, подпертые обрезками рельсов маленькие балкончики с пузатыми выщербленными балясинами, редкие белые клеточки стеклопакетов на фоне старых серых рам. Что-то в здании было неумовимо московское – от старой, послевоенной Москвы. Наверное, и впрямь построено московскими строителями? Харьков во время войны разрушили почти до основания, он несколько раз переходил из рук в руки. Так что отстраивали его заново, всей страной, и получился он местами похожим на Москву, местами – на другие города...

Как мне найти женщину по имени Василиса? Когда я сам был таможенником, у меня было чувство направления, которое помогало вернуться к спрятанному в старой водонапорной башне перекрестку миров. Но чужие порталы я не чувствовал даже тогда. Да и функционалов узнавал лишь при встрече лицом к лицу.

Моя идея – приехать в Харьков, найти Василису, попросить ее помощи – изначально была весьма сомнительной. Да, мы как-то сразу вызвали друг у друга симпатию. И к тем неведомым кукловодам, что сделали нас функционалами, относились неприязненно. Василиса, как я понял, вообще была добровольным изгоем, не слишком часто контактируя с коллегами.

Но с чего я взял, что она станет мне помогать – рискуя потерять все?

Только потому, что знаю ее лучше других таможенников? Ну, не факт. С немецким таможенником мы общались не менее дружелюбно... едва ли не побратались...

За этими невеселыми размышлениями я курил, мок и впадал в депрессию. Что я здесь делаю? Не лучше ли довести до сведения функционалов, что я вовсе не собираюсь с ними воевать... что они могут оставить меня в покое... вдруг получится? А я вернусь домой. В «Бите и Байте» мне устроят головомойку за прогул, но, наверное, примут обратно. Да хоть бы и не приняли! Что я, до старости собираюсь прыщавым подросткам втюхивать «кульные видеокарты», а престарелым бухгалтерам доказывать, что «этот компьютер очень мощный, с „мышкой“, монитором и Интернетом!» Поступлю в университет. На физмат. Чтобы это... изобрести машину для прохода между мирами. Ввалиться на Землю-один... нет, лучше – на Землю-ноль, которая, как я предполагаю, за всем стоит. И устроить им кузькину мать! С двумя мечами за спиной и автоматом наперевес! Окропаясь святой водой и изучив тибетскую боевую магию! Все – в духе фантаста Мельникова...

Вспомнив Мельникова, я невольно вспомнил и Котю.

Вот тут на душе стало совсем хреново. Я встал, затушил вторую сигарету, которую начал смолить сразу за первой. И побрел через двор.

Харьков – большой город. Метро и все прочее, положенное по статусу. А в первую очередь – огромное количество домов. Площадь тут не экономили, застройка была высотной лишь местами.

Ну почему Василиса отсюда? Была бы она из какого-нибудь уютного маленького Бобруйска...

Через несколько дворов – мокрых, серых, грустных – я прошагал погруженный в свои мысли и почти ничего не замечающий. Дома стояли на холме, асфальтированная дорожка вилась между ними, огибая отгороженные штaketником палисадники, едва ли не огородики – вещь в миллионном городе странная и вряд ли разрешенная. Но на юге все проще. Дальше от идиотской схемы «положено – не положено», ближе к реальной жизни. Вполне возможно, что жители преспокойно растят себе лучок с укропом прямо у подъезда...

А потом что-то заставило меня остановиться – вблизи узкой улочки на выходе из очередного двора.

Это «что-то» трудно было передать словами. На самой грани реального и сказочного, увиденного и додуманного – будто быстрая тень, замеченная периферийным зрением и канувшая в никуда.

Я огляделся. Прислушался.

Если бы рассчитывал на свое испорченное сигаретами обоняние – принял бы!

Этот двор был *другой*.

Здесь с деревьев облетела не вся листва. Занавески в окнах были ярче. Торжествующе, насмешливо, будто ведя свой род от розового куста Герды и Кая, полыхали на подоконниках цветы. Черный котяра, вылизывающийся на багажнике... пардон, на капоте «запорожца», аж лоснился – и размерами мог поспорить с камышовым котом или маленькой рысью.

Кстати, и древний ушастый «запорожец» выглядел на удивление бодро. Не отреставрированной диковиной, не грудой металлолома, а именно машиной – маленькой, но задорной.

А еще палисадники перед домом были обнесены кованой изгородью. Выкрашенная отвратительной краской, к тому же грязная – но это была настоящая ковка. В тонком узоре переплетались земляничные листья и виноградные грозди. Над домом, как последний штрих, высился кованый флюгер – не какой-нибудь там банальный петушок, а дракон, раскинувший крылья и выпускающий из зубастой пасти ветвистые языки пламени. Часток телевизонных антенн вокруг тянулся к небу, будто пики обороняющейся армии, заметившей незваного гостя.

Я засмеялся. Это было как визитная карточка Василисы – функционала-таможенника, раздаривающего налево и направо выкованные ею вещи.

Теперь осталось только сообразить, как выглядит ее таможня снаружи. Она что-то иронизировала по поводу башен, которые всегда появляются у мужчин... фрейдизм, дескать... Ага! Ее таможня была просто домиком. Без всякой экзотики.

Здания, к которым привязаны наши функции, сами по себе обычные. Их может увидеть совершенно рядовой человек, да и видит, если на то пошло. Но видеть и увидеть – не одно и то же. Бывшая горничная, ныне функционал гостиничных дел Роза Белая, обнаружила в голодные годы гражданской войны продуктовый магазин лишь потому, что ее пригласили по этому адресу. Все остальные – и голодные красноармейцы, и на все готовые бандиты, и припрятавшие золотишко «буржуи» – шли мимо, мечтая о куске хлеба, – и не видели «пикулей, анчоусов, икры красной и черной, вырезки телячьей...».

Так и мою башенку у «Алексеевской» видели лишь те люди, кому сообщили – это новая таможня, это удобный проход в другие миры.

И я стоял буквально в двух шагах от таможни Василисы, не обращая на нее никакого внимания!

Двухэтажный кирпичный домик вклинился между зданиями побольше и повыше, будто распиხивая их, пробивая себе выход к улице. К тому дому, что явно находился под покровительством Василисы и был снабжен заборчиками и флюгером, двухэтажный домишко почти притулился, их разделяла узкая, не протиснешься, замусоренная щель.

Со стороны двора в таможенном здании не было ни дверей, ни окон. Росло несколько деревьев – старых, скрюченных, землю устилали перегнившие листья и сломанные ветки. Можно было четко отметить границу, вдоль которой ходили люди, непроизвольно сторонясь странного домика: в земле были протоптаны самые натуральные ложбины!

Со стороны улочки я обнаружил одно окно на втором этаже: темное, будто занавешенное изнутри. И дверь – в которую с огромным удовольствием постучал.

Тишина.

– Эй, сосед! – вспоминая свой первый визит, крикнул я. Что я там кричал? Принял здание за мельницу, спрашивал насчет муки? Не будем повторяться... – Эй! Без ковша пришел!

Через некоторое время послышались шаги – твердые, уверенные. Я ухмыльнулся, представив себе Василису – крепкую, мускулистую, в кожаном фартуке на голое тело...

Да, с этим надо что-то делать. К примеру – пить бром.

– Кого это черт носит... – раздался знакомый приглушенный голос. – Будь я неладна, не может же это...

Дверь распахнулась, и я увидел Василису.

В розовом халатике с кружевами и оборочками. В пушистых тапках в виде белых щенят с глазками-пуговицами.

– Кирилл, – упирая руки в бока, сказала Василиса. – Твою мать... ты?

– Он самый, – не понимая причин столь шумной реакции, ответил я. Постарался отвести глаза и не слишком уж пялиться на Василису.

Получалось с трудом – ее было много.

– Не стой столбом... – Одним движением Василиса втянула меня в дом. Высунулась, бдитительно осмотрелась. Захлопнула дверь.

Даже до жирафа рано или поздно доходит.

– Новости уже знаешь? – спросил я. Под «прихожую» в доме был отведен огромный зал с тремя дверьми и лестницей вверх. Абсолютно пустой, только кое-где держали потолок опорные столбы, украшенные не то коваными вешалками, не то просто отходами Василисиного производства.

– Конечно. – Василиса подняла со стоящего у двери столика (опять же – кованые ножки и лежащий сверху в кованой раме кусок толстого стекла) сложенную вчетверо газету. Тоненькую, в один разворот, вроде тех бесплатных газеток, что выпускают власти московских районов и округов.

– А? – только и сказал я, прочитав название: «ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ФУНКЦИЯ». Это был номер за сегодняшнее число. Выходила газета, если верить датам, аж с 1892 года.

– Бэ! – рявкнула Василиса. – За тобой следили? Ты как – самолетом?

– Поездом... в Орле была засада, но я ушел... – Развернув газету, я уставился на свою фотографию.

– Ушел он! – Василиса развела руками. – Нет, вы посмотрите на него... ушелец!

Почему-то мне и в голову не приходило, что у функционалов может быть своя газета. Функционалы-врачи, парикмахеры, официанты – пожалуйста. А вот тружеников пера я почему-то среди своих коллег не представлял. Хотя самый первый мой визитер, функционал-почтальон, мог бы навести на эту мысль...

С содроганием глядя на свою фотографию на первой полосе (недавнюю, но понять не могу, когда и кем сделанную), я принялся читать статью, озаглавленную «Последняя радуга».

Самое ужасное, что в целом статья не врал.

Она лишь не договаривала кое-что. И понятно было, что это «кое-что» журналист просто не знает – ни про роль Кости в происходящем, ни про Аркан... А так – даже с сочувствием было написано. Про молодого человека, психика которого не перенесла разлуку с родными и превращение в функционала. Про то, что я «подавал большие надежды», что открыл очень хорошие порталы из неохваченной ранее точки Москвы, но тлетворное влияние отдельных диссидентов (Не вру! Так и было написано – диссидентов!) меня погубило.

В общем – я увел от жениха (ничего прямо сказано не было, но почему-то возникало ощущение, что увел силой) понравившуюся мне девушку. Избил функционала-полицейского, который прибыл на место происшествия (опять же – получалось так, что он прибыл спасать Настю). На следующее утро (как-то само собой возникало четкое ощущение, что всю ночь я измывался над беззащитной девушкой) ко мне прибыла функционал-акушер Наталья Иванова, «которая помогла многим из нас стать теми, кто мы есть». Но я убил свою подругу, а потом и Наталью задушил электропроводом. Покинул башню, и та развалилась: опять же, ни слова лжи, но любой функционал должен был остаться в твердой уверенности, что я просто порвал «поводок», слишком удалился от своей функции. После этого я напал на своего приятеля Константина Чагина, которого «с тех пор никто не видел».

На этом журналист кончил живописать мои приключения, заявив, что «остается лишь ждать печальной развязки этой истории...».

При чем тут радуга – я так и не понял.

– В чем вранье? – спросила Василиса, когда поняла, что я дочитал.

– Так, по мелочам. – Я перевернул газету. Обнаружил кроссворд и колонку юмора.

Разворот занимали полосный некролог Натальи Ивановой, о которой вспоминали бывшие подопечные, и что-то вроде раздела объявлений, где перечислялись и рекламировались новые функционалы.

– Ты не убивал Иванову? – спросила Василиса.

Я помолчал. Потом посмотрел ей в глаза:

– Убивал. Даже два раза. На второй раз – получилось.

– Молодец, – сказала Василиса и дружески хлопнула меня по плечу. Я пошатнулся. – Ох и стерва же была... ты бы знал... нет, мужику не понять, какая это была стерва. Ты завтракал?

– Да.

– Все равно пошли, чай будем пить.

3

У каждого народа есть традиции, которые внутри страны уже отклика не находят, зато прекрасно идут на экспорт. Можно даже сказать, что чем красивее и экзотичнее традиция, тем меньше у нее шансов выжить на родине (кстати, нечто подобное происходит и с людьми).

Большинство шотландцев мужского пола предпочитают носить брюки – зато редкий турист уедет из воспетой Бернсом страны вереска и ячменя без клетчатого килта. Множество французов не могут смотреть без содрогания на устриц и лягушачьи лапки, которыми давятся жадные до экзотики туристы. Даже японцы, вместо того, чтобы любоваться цветущей на склонах Фудзиямы сакурой, разучивая приемы каратэ перед обедом из суси и саке, предпочитают по-быстрому выпить пива с гамбургером за просмотром американского клипа.

Россия в этом процессе бытовой глобализации твердо стоит в лидерах. Хорошо, что вернулся квас, потеснив всевозможную «колу»; меньше стало шуточек про валенки, на самом деле незаменимые русской зимой. Даже сарафаны, картузы и косоворотки стараниями модельеров возвращаются в новом обличье.

Но вот что явно превратилось в туристический сувенир – это самовар. Он умер вместе с большими семьями, что собирались за одним столом, с совместными ужинами: неспешными, без включенного телевизора и разогретых в микроволновке полуфабрикатов. Некоторое время они еще держались в качестве украшения праздничного стола, пузатые самовары, никелированные или расписанные «под хохлому». Их доставали «на день рождения, на Новый год и на Первомай», но все-таки их доставали – и самым вкусным чаем детства был чай, который наливали из самовара.

А потом разноцветные пластиковые чайники убили самовары окончательно. Проще было принести с кухни чайник и выставить перед гостями коробку с пакетиками заварки, чем тащить большой самовар и заваривать чай по всем правилам – дождавшись «жемчужных нитей» в кипятке, сполоснув фарфоровый чайник, «поженив» заварку. Я уже и не помнил, когда последний раз доводилось сидеть за столом с самоваром. Даже Василиса прошлый раз кипятила чайник.

Сегодня на столе был самовар. Большой, литров на восемь-десять. Судя по виду – эксплуатировался он часто.

– Ух ты, красота какая... – пробормотал я.

Страсть Василисы к чаепитию была очевидной: лимончик на блюде, сливки, сахар – песок и рафинад, белый, свекловичный и коричневый, тростниковый, пряники, печенье, вафли, конфеты...

– Я гостей жду. – Василиса чуть смутилась.

– Из Нирваны?

– Да. – Василиса кивнула на окно, за которым ярко светило солнце и зеленела летняя листва на деревьях. – Я договорилась с местными, раз в неделю они отправляют ко мне детей. Мы пьем чай, потом я их учу... ну, школу не заменишь, но все-таки...

Нирвана была тем миром, где мы познакомились, – моя башня и Василисина кузня в ней стояли совсем рядом. Красивейший, изумительный мир с мягким климатом и полным отсутствием животной жизни – местная растительность выделяла в воздух психотомиметик весьма своеобразного свойства. Он давал необычную яркость ощущений и почти полностью гасил волю. Человек мог умирать от жажды в двух шагах от ручья, ощущая жажду, но не желая сделать эти шаги и не испытывая мучений. Почти как ленивый кот из анекдота, который полчаса орал, наступив себе... ну, скажем, на хвост.

Функционалам, конечно, отравленный воздух Нирваны не вредил. Но и особой нужды в еще одном мире-курорте они не испытывали. Поэтому Нирвану использовали как место

ссылки для тех людей, которые так или иначе угрожали функционалам. Гуманно – и надежно. После периода адаптации люди приобретали навыки самообслуживания, некоторые даже были способны ловить рыбу или выращивать кур. Как ни странно, но дети у них тоже иногда рождались. Старина Фрейд был бы этим очень доволен...

Со стороны поселок ссыльных можно было принять за резервацию для идиотов, такие они были ленивые, неповоротливые, расслабленные. Но ужас ситуации заключался в том, что с разумом-то у них все было в порядке. Не хватало только воли.

– Чему учишь? – спросил я. – Читать, писать?

Василиса покачала головой:

– Бесполезно. Нет, они учатся, но все равно не читают. Мотивации нет.

– Уверена, что в наш мир эти испарения не попадают? – спросил я, наливая себе чай.

Василиса усмехнулась:

– Да уж... Я их учу чистить зубы и мыть руки. Снимать штаны перед тем, как сделать свои делишки. Перевязывать царапины. Мыть посуду.

– Мне кажется, все это не то, – сказал я. – Они же не дебилы. Тут проблемы с мотивацией. С волей. Ты бы проконсультировалась с психологом, вдруг чего посоветует? Их надо учить не руки мыть, а добиваться своих целей. Вообще ставить перед собой цели. Без этого ничего не произойдет.

– Я подумаю. – Василиса с любопытством посмотрела на меня. – А ты молодец, Кирилл. Со стороны-то виднее... Что с тобой стряслось, рассказывай. Как ты сцепился с Натальей?

Колебался я недолго. Недоговаривать, когда перед тобой единственный человек, способный помочь, не просто нечестно – глупо.

Я рассказал все.

Мы пили чай, причем, несмотря на серьезность разговора, Василиса то и дело разогрела самовар и следила за тем, чтобы чашки не пустовали. Наверное, чаепитие было для нее столь же важным, как и для англичан викторианских времен.

Я рассказал про разговор с Иллан – подпольщицей, которая когда-то была врачом-функционалом. Про ее подругу Настю с ее играми в Сопротивление... Про Наталью Иванову, которая не одобрила этих игр. Про Котю, оказавшегося куратором нашей Земли. Про Землю-один – Аркан. Про то, как меня едва не убили. И про то, как я стал убивать.

– Мы – лабораторный полигон арканцев, – сказал я. – Они умеют превращать обычных людей в функционалов.

– Зачем? – с любопытством спросила Василиса.

– Это их метод управления мирами. Каким-то образом они просчитывают, как добиться нужных им результатов. Ну, как в фантастике – можно ли было избежать Второй мировой войны, убив Гитлера в младенчестве, и гуманно ли это. А тут даже убивать никого не надо. Выдернули нужного человека из жизни, превратили в функционала – вот мир и изменился. Одного человека достаточно, чтобы целый мир пошел по другому пути.

– Нас на занятиях по философии учили, что от одного человека ничего не зависит. – Василиса усмехнулась. – Так гласит марксизм-ленинизм... Впрочем, ты и предмета такого не знаешь, Кирилл.

– Я бы не стал доверять марксизму-ленинизму, – обиженно сказал я. – Особенно после развала СССР.

Василиса захохотала. С аппетитом откусила половину тульского пряника.

– Да и я не верю, Кирилл! Почему бы и нет? Один человек меняет один мир. Легко! Вот остальное – ерунда какая-то, уж извини...

– Почему? – возмутился я.

– Если твои арканцы...

– Они не мои!

– Если арканцы так легко просчитывают судьбы миров – вот этого убрали и мир стал другим, то им вовсе не нужны планеты-полигоны. Лаборатория, эксперименты – они для тех случаев, когда посчитать нельзя! А тут выходит, что арканцы все просчитывают на десятилетия вперед. И как сделать мир без технологий, и как сделать мир с технологиями. Тут у нас будет религия, тут наука, тут хиромантия и сбоку бантик... Хорошо, верю! Но тогда никакие эксперименты им не нужны!

Я развел руками:

– Василиса... что знаю, то и рассказываю!

– Все сложнее. – Она упрямо покачала головой. – Все сложнее, Кирилл.

– Согласен, – кивнул я. – Есть еще кое-что. Я думаю, что Аркан – вовсе не самый главный мир. Вот ты бы нумеровала кучу миров, включая свой, самый главный? Ты бы свой как обозвала? Тот, о котором другим и не стоит знать. Земля-один?

– Вообще никак бы не называла. Свой – он свой и есть. По определению. Тем более если это тайна.

– Вот! А они себя зовут – Земля-один! Значит, есть еще один мир! Земля-ноль! Вот они-то и есть главные кукловоды. Жители Аркана – это всего лишь исполнители!

К моему глубокому огорчению, Василиса отреагировала на мою гениальную догадку более чем прохладно.

– И что? Да хоть бы был еще и мир Минус Один! Ничего в ситуации не меняется. Самое главное – зачем? Кому это нужно – десяток планет, на которых совершенно разные общества? Эксперименты по созданию разных социумов? Сразу видно гуманитария. – Василиса улыбкой смягчила свои слова, но крыть мне все равно было нечем.

– Я не гуманитарий, – обиженно пробормотал я.

– А кто?

– Да вообще никто... хрен с горы... приказчик в компьютерной лавке... – Поднявшись, я прошелся по комнате. – Василиса, ну все равно – Аркан выполняет роль управляющего над всеми мирами. А кому и для чего это нужно... ну, вопрос...

– Я больше на другую тему думала, – сказала Василиса. – Кому я сдалась – функционала из меня делать? Какой из меня таможенник? У меня даже двери открылись – никому не нужные... Вот ты говоришь, нас выдергивают из мира – и мир меняется... Не верю! Путина выдерни – изменится! Папу Римского! Пелевина какого-нибудь... Джонни Деппа... Элтона Джона... Да хоть бы и Диму Билана! Есть люди, от которых и впрямь что-то зависит. А от меня? И от тебя... уж не обижайся.

– Из меня таможенник хороший получился, – с неуместной гордостью сказал я. – Очень хорошие двери открылись. Только мне так кажется, этого никто не ожидал.

– Значит, не для того нас выдергивали из жизни, чтобы мир изменился, – сказала Василиса. – Тут что-то другое, Кирилл. Вот в этом тебе и надо разбираться.

– Мне? – Я присел на подоконник. За спиной барабанили по карнизу дождевые капли.

– А кому еще? – спокойно сказала Василиса, поворачиваясь ко мне. – Я, помнишь ли, к этому зданию привязана поводочком. Восемь километров семьсот четырнадцать метров. Вычислила на досуге... Отойду на это расстояние – сдохнет моя функция. Стану я самым обычным человеком. Вот только меня никто не вспомнит, Кирилл. Стану бомжевать, спать в теплотрассах, научусь одеколон пить...

– Меня вспомнили, – сказал я. – И родители, и друзья.

– С тобой вообще все непонятно, – сказала Василиса. – Как ты сумел победить акушерку? А этого, куратора?

– Не знаю. – Я невольно покосился на руку. И заслужил еще одну ироническую реплику:

– В кольца всевластья не верю. Сама их ковала, когда фильм модным был. Тут дело не в кольце, в тебе...

– С чего мне начать, Василиса? – спросил я. – Помоги.

– Почему я?

– У меня больше нет друзей-функционалов.

Василиса хмыкнула:

– Друзей...

Я благоразумно промолчал.

– По всему выходит – тебе надо пробраться в Аркан. И там уже искать разгадку. Но дверей-то туда нет!

– Должны быть. Только их держат в тайне. Кто-то же перебросил полицейских из Аркана в Орел! – Я спрыгнул на пол. Поглядел в окно – то самое, что запомнилось мне при первом визите.

– Да уж, на поезде они приехать не могли, – фыркнула Василиса.

– Я думаю, что на поезде они приехали из Орла в Харьков, – сказал я, глядя на тихую осеннюю улочку.

Дождь за окном припустил вовсю, и крепкие парни в одинаковой одежде достали черные зонтики. Тоже одинаковые. Они полукругом стояли у башни и молча смотрели в окно.

Прямо мне в глаза.

Я отступил от окна. Медленно сдвинулся в сторону.

Все тот же пристальный взгляд. Никто не шевельнулся, не мигнул.

– Они меня видят? – спросил я.

– Нет, – отозвалась подошедшая Василиса. – Стекло только изнутри прозрачное.

– Все равно... знают, что я тут.

– Или предполагают. Если они тебя искали на поезде, то знают, куда направляешься. У тебя много знакомых в Харькове?

– Только ты.

Василиса еще раз заглянула в окно и нахмурилась:

– Кого-то ждут.

– Полицейского? – предположил я.

Василиса не стала отвечать на этот риторический вопрос. Окинула взглядом комнату – и спросила:

– Нирвана или Янус?

– Янус? – не понял я.

– Земля-четырнадцать. Зимой морозы, летом жара. Люди там не живут.

Я все понимал. Рассчитывать на то, что Василиса откажется впускать полицейского, когда тот рано или поздно придет, не стоило. Да я бы и сам об этом не попросил: придет еще одна акушерка и просто уничтожит функцию Василисы, эту маленькую, никому не нужную таможенную между Землей, Нирваной и Янусом...

– Очень не хочется выбирать Янус, – сказал я. – Он плохо рифмуется. Василиса, ты можешь меня спрятать в Нирване?

Василиса посмотрела на окно, за которым было лето.

– Ты сразу отрубишься, – сказала она. – Ты ведь больше не функционал... Могу попросить местных спрятать тебя в поселке. Они уже неплохо научились заботиться о новичках. Но если полицейский решит проверить...

– Он решит, – кивнул я, вспоминая, как Цай – полицейский из города Кимгим – преследовал Иллан в Заповеднике. Впрочем, тогда Иллан удалось уйти.

Но Нирвана – совсем другое дело. Тут меня и преследовать не надо – бери тепленьким, со слюной изо рта и блаженной улыбкой идиота на лице.

– Где я могу укрыться на Янусе?

– Сейчас. – Василиса подошла к пузатому буфету, выдвинула ящик. Я следил, как она перебирает инструкции от микроволновки и холодильника, книжечки каких-то счетов (неужели даже функционалы вынуждены платить за электроэнергию?). Потом в ее руках появилась хорошо знакомая мне книжечка в кожаном переплете – таможенный справочник. На обложке было вытиснено серебром «ЯНУС». Очень хорошая книжка. Единственное, что в ней было странного, – толщина. Можно было подумать, что книга состоит из одной лишь обложки.

Практически так и оказалось: из Земли на Янус можно было возить все, что угодно. Обратно – тоже. Свод таможенных правил Земли-четыренадцать был невероятно прост и короткий.

Но Василису интересовали не правила. Из книжки она достала мятый листок, протянула мне:

– Вот. Жаль только, компас там не работает...

Это было подобие нарисованной от руки карты, примитивной, но понятной. В углу квадратик на извивающейся ленте – домик Василисы на реке. Скопище бугорков посередине – холмы (хотя больше всего это походило на попытку изнывающего от либидо студента нарисовать много больших сисек). В противоположном углу карты была нарисована башенка (хотя, опять же, ее можно было принять за попытку студента изобразить свое мужское достоинство на фоне многих больших сисек).

– Далеко? – Я ткнул в башенку пальцем.

– Двадцать два километра. – Василиса серьезно смотрела на меня. – Я туда не доходила, сам понимаешь.

– А чья это башня?

– Не знаю.

– А откуда у тебя карта?

Василиса заколебалась. Потом сказала:

– Я... однажды... Так вышло, помогла я одному человечку из Нирваны вырваться. Очень уж он хотел. Выпускать его на Землю нельзя было, это отследили бы. На Янусе тогда была весна. Единственное время года, когда там что-то приличное... летом жара убийственная, осенью ливни, зимой снег. Он ушел на Янус. А потом как-то прислал письмо. Уже с нашей Земли. Ему повезло дойти до этой башни и вернуться на Землю через нее.

– И этой карте можно верить? – спросил я.

– Да. – Голос ее был твердым. Но меня это не слишком радовало – я смотрел в окно. В третье, выходящее на названную в честь не самого симпатичного бога, да еще и некрасиво рифмующуюся планету.

За окном была серая мутная круговерть.

– Там ночь? – спросил я.

– День, – ответила Василиса, поколебавшись.

– И ты полагаешь, я дойду?

Василиса подошла к окну, прижала лицо к стеклу. Я не сразу сообразил, что за окном, вешенный в чужой мир, висит термометр – самый банальный спиртовой термометр отечественного производства, стеклянная трубочка с двумя пластиковыми держалками на концах.

– Минус десять, – сказала Василиса. – Морозы там пока не ударили... у тебя есть шанс.

– Двадцать километров?

– Двадцать два. Но ты, похоже, потерял способности функционала не до конца. Вдруг это тебе поможет?

– У меня курточка на рыбьем меху, – сказал я.

– Да и ботиночки на тонкой подошве, – без улыбки подтвердила Василиса. – Решай. Если пойдешь – я тебя снаряжу.

– А если нет?

Василиса развела руками. Помедлила секунду, сказала:

– Не стану я с полицейским драться. Убьет он меня... а на мне целый поселок. Уходи, Кирилл. За тобой непременно придут.

Я еще раз глянул в окно – на Харьков, такой гостеприимный, еще даже не заснеженный... С рекламного плаката на другой стороне улицы улыбались трое мужиков – видимо, призывали что-то покупать. Впрочем, ветер и дождь изрядно потрепали плакат, лицо у одного совсем расплылось, у другого – стало недовольным, и лишь третий вопреки всем погодным катаклизмам сохранял оптимизм.

Выбор мой был невелик и неплохо коррелировал и с тремя плакатными персонажами, и с известным придорожным камнем. Пойду в Нирвану – дурачком стану, останусь на Земле – совсем сгину. Какой-то шанс был лишь на Янусе.

Но двадцать два километра!

– У меня есть лыжи, – сказала Василиса. – Правильные лыжи, охотничьи, широкие... Ой! Нет их, Кирилл. Одну сломала, а новые так и не купила, зачем мне туда ходить-то... Ладно, там глубокий снег не лежит, ветром все сдувает. Справишься без лыж?

Я не стал ей рассказывать, что последний раз ходил на лыжах классе в пятом. А потом то ли глобальное потепление помешало, то ли сменившийся школьный физрук не любил лыжный спорт.

– Тащи теплую одежду, – велел я.

Зимняя одежда – настоящая, а не творения модных кутюрье, годные лишь для прогулок по подиуму, по сути своей пригодна и мужчинам, и женщинам. Как говорят эти самые кутюрье, жеманно улыбаясь: «унисекс». Но если не заморачиваться пуговицами не на ту сторону, то ничто не мешает мужчине надеть женский тулуп. Главное – чтобы женщина была правильная. Как из стихотворения Некрасова, которая и коня, и в избу.

К счастью, времена Некрасова миновали, и меня ждал не тулуп, а вполне современная «аляска» от известной американской фирмы. Сплошная синтетика, но в такой и в Сибири не страшно: вся из себя по принципу термоса, многослойная, вытягивающая пот, не пропускающая мороз и ветер... С пижонским пленочным термометром на подкладке – и еще более пижонским на клапане нагрудного кармана. Это, значит, чтобы видеть, как холодно снаружи и как тепло внутри...

Сапоги, к счастью, тоже были впору. Тесная обувь – самая большая опасность зимой. Но пластиковые «дутьши», хоть и выглядели несколько женственно, размер имели не меньше чем сорок третий. Я, правда, выразил сомнения, что синтетика спасет меня от холода. Но Василиса заявила, что эти сапоги ею проверены неоднократно и на любом морозе.

А вот меховая шапка оказалась мала. Василиса не стала по этому поводу грустить, а сунула мне вязаный колпачок, вызывающий в памяти смутные детские воспоминания: игры на свежем воздухе, кидание снежками и лепка снежных баб. Кажется, мы звали такие колпачки «петушками».

Впрочем, у «аляски» был хороший капюшон, так что несерьезный, тонкий «петушок» мне не был особо нужен.

– Надеюсь, у тебя найдутся перчатки? – спросил я.

– Возьми-ка мои рукавицы. – Василиса протянула мне что-то из кожи и меха, изрядно заношенное и пожженное снаружи искрами. – Руки у тебя будут безобразные, но зато тепло.

– Ты меня собираешь, как Маленькая Разбойница собирала Герду на поиски Кая, – проворкотал я.

Как ни странно, но Василиса вдруг покраснела. А потом как-то очень неловко чмокнула в губы. Прощептала:

– Спасибо, Кирилл.

Господи, что же она сочла комплиментом? Фразу про Маленькую Разбойницу? Или хватило одного слова «маленькая»?

Я вдруг подумал, что у нее почти наверняка есть любовник среди жителей Нирваны. Какой-нибудь наиболее сохранный и симпатичный. Но вряд ли он умеет говорить хоть какие-то комплименты...

– Тебе спасибо, – сказал я.

Мы стояли у дверей, ведущих на Янус. Я был уже вполне экипирован – и одет, и обут. Василиса нашла даже рюкзак – совсем не туристический, скорее городской, но все же удобно улегшийся на спину. Туда мы сложили мою легкую куртку, продукты, еще какую-то ерунду, которая могла пригодиться... Мне сразу вспомнился Котя, который отправлялся за Иллан.

– Нож мой сохранил? – вспомнила вдруг Василиса.

– Нет.

– Вот.

Ножи у нее, похоже, были разбросаны повсюду. Она взяла его со столика, стоящего у дверей в Нирвану, и торжественно вручила мне. Ничего так кинжал. Не хуже первого. Дай Бог, чтобы точно так же не понадобился.

– А если штурмовать не будут? – спросил я. И сам улыбнулся той глупости, что сказал.

– Давай подождем, – согласилась Василиса. Мне кажется, с облегчением согласилась.

В тот же миг в харьковскую дверь постучали. Осторожно, вежливо, деликатно. Только те, кто облечены и властью, и силой, позволяют себе так стучать.

– Иди. – Василиса мгновенно распахнула дверь на Янус. Пахнуло морозом, закружились в дверном проеме снежинки. – Иди на закат! Я впущу их не сразу, у тебя будет час или два.

– У тебя будут проблемы, – сказал я.

– Допустим, я была в Нирване. – Василиса усмехнулась. – Почти Пушкин получился... Была в Нирване, навещала убогих. А что тебя на Янус пропустила, так это моя функция – людей туда-сюда пропускать! Газету еще прочитать не успела, ничего не знала, не слышала... Иди!

Она быстро коснулась губами моего лба – на этот раз уже без всякой эротики, будто сестринским или материнским поцелуем. И вытолкала в метель.

Дверь за моей спиной мягко, почти беззвучно захлопнулась.

Я обернулся.

С этой стороны дом Василисы выглядел чем-то вроде крепостных развалин, в которых чудом уцелел один-единственный приземистый донжон. Одинокое окно на втором этаже мерцало тусклым дрожащим светом – будто от факела или свечей. Дом стоял на круче, внизу, под обрывом, угадывалось скованное льдом, засыпанное снегом русло реки.

А вокруг куролесила метель. Носились в воздухе снежинки, поскрипывал под ногами снег, на счастье, и впрямь неглубокий. Солнце в небе едва угадывалось сквозь снежные тучи. Холмы, через которые мне надо было перевалить, вставали впереди темной неприветливой стеной.

– Справлюсь, – пообещал я сам себе.

И пошел к холмам.

4

С тех пор, как человек научился считать, объясняться стало гораздо проще. Скажешь «горстка храбрецов сдерживала превосходящие силы противника» – только плечами пожмут, мол, горстки – они всякие бывают. А отчеканишь «триста спартанцев против десятков тысяч персов» – сразу становится ясен масштаб.

Одно дело «денежный мешок», другое – «мультимиллионер». Одно дело «страшный холод», другое – «минус сорок». Одно дело «марафонская дистанция», другое – «сорок два километра».

Никакие слова, никакие красочные эпитеты не сравнятся с той силой, что несут в себе числа.

Двадцать два километра.

Минус десять по Цельсию.

Честно говоря – совсем не страшная арифметика.

Зиму я любил. И даже зимний отдых. Пусть иностранцы пребывают в твердой уверенности, что зимой «русский мужик забиваться в свой изба и пить горячий водка из самовар». На самом деле выбраться зимой в подмосковный санаторий – большое удовольствие. Если ты не фанат зимних видов спорта, занятие все равно найдется: от катаний на снегоходах и санях до самых банальных пеших прогулок на свежем воздухе. А как потом пьется горячий чай! (Будем откровенны, рюмка-другая водки тоже не повредит.) Ну и поплавать в бассейне, глядя сквозь стеклянные стены на заснеженные деревья, попариться в сауне или парной... Что? Нет бассейна и сауны? Ну так надо выбирать правильные санатории...

Двадцать два километра – это просто большая прогулка на свежем воздухе.

Я отошел от дома Василисы метров на триста, прежде чем второй и последний раз оглянулся. В снежной круговерти едва-едва теплился свет в оконце. Минуту я постоял, кусая губы. Расстояние – не беда. Пройду. Главное – с пути не сбиться. Но тут помогут холмы. Судя по карте, они тянутся ровной широкой полосой, разделяя два портала. Так что когда гряда останется за спиной, то я буду идти прямо на башню другого таможенника. Солнце, хоть и едва видимое сквозь тучи, еще высоко, значит, полная тьма мне не грозит. Дойду.

Уже потом я поражался наивности – и своей, и Василисы. Причем если Василисе, живущей в теплом Харькове, эта наивность позволительна, то мне – вряд ли.

Наверное, все дело было в розе ветров, сдувавших снег со склонов к руслу реки. Но пока я не перевалил через вершину первого холма, идти действительно было просто. Ветер становился все сильнее и злее, но шел я по твердому обледенелому склону. А вот в ложине, лежащей за холмом, ноги сразу ушли в снег по колено. Еще один шаг – и я провалился в сугроб по пояс.

Переводя дыхание, я растерянно огляделся. Передо мной лежала небольшая, почти круглая котловина метров двадцати—тридцати в диаметре. Сушая ерунда! Вот только форсировать ее придется под слоем снега...

Я стянул рукавицы, засунул руки под капюшон и энергично потер уши. Так... Придется как-то обогнуть ложину. Развернувшись, я неохотно поднялся на гребень холма. Наклонил голову, защищая глаза от ветра, – и двинулся, огибая котловину поверху. Каменистый склон был покрыт предательской корочкой льда, слегка припорошенной инеем, но дешевые пластиковые сапоги и впрямь обладали неплохим сцеплением.

Миновав котловину, я поднял голову. В тот же миг, словно преисполнившись иронии, небеса Януса просветлели, солнце чуть ярче проглянуло сквозь тучи – и я увидел лежащую передо мной гряду холмов.

Все они были примерно одной высоты, будто стесанные исполинским рубанком. И пространство между холмами, все эти долинки-котлованы-расщелины, заполнял плотный, слежавшийся снег. Посыпьте вафельную пластинку сахарной пудрой – и вы представите в миниатюре, как это выглядело.

Можно было сколько угодно гадать, каким образом сложился такой рельеф. Может быть, всплывающие иногда навыки функционала-таможенника даже подсказали бы, как подобная местность называется.

В любом случае мне надо преодолеть гряду. И если спускаться в долинки невозможно, то придется идти поверху, по вершинам холмов. Скользко, конечно, зато не нужно мотаться вверх-вниз по склонам...

Так что я даже не расстроился. Пожал плечами, снова наклонил голову, пряча лицо от ветра, и осторожно двинулся по скользким, промороженным камням. В голове вдруг всплыла какая-то заумная фраза «Криогенный рельеф. Бугры пучения и западины термокарста». Наверное, это и была та самая подсказка от энциклопедических знаний, некогда предоставленных в мое распоряжение? Ну, тогда подсказка вышла неполной, без расшифровки. Я мог обозвать происходящее, но не рискнул бы хоть как-то объяснить свои слова.

Плывать. Не на интеллектуальном шоу. Двигать надо ногами, а не языком...

И я двигал ногами. Шел по каменистым тропкам, то спускаясь к заполненным снегом ямам (там ветер был потише), то поднимаясь на вершины холмов (и вот тут вьюга обрадованно набрасывалась на меня с новой силой). Московская зима – теплая и грязная, с мокрым серым снегом – теперь казалась мне почти идиллической. Еще сентиментальнее вспоминались улочки Кимгима с его запряженными в сани лошадками, неуклюжими полицейскими броневиками на спиртовой тяге, прогуливающимися парочками в старомодных, не рассчитанных на беготню и сутолоку костюмах.

Зима – это очень симпатичное время года. Если без ветра...

Первый раз я поскользнулся и упал где-то через полчаса. Совсем не ушибся и бодро двинулся дальше. А вот когда ноги разъехались второй раз – больно приложился копчиком о камень и съехал в заснеженную ложбину, уйдя в снег почти по пояс.

Страх не было. Я выругался, распластался на снегу – будто на трясине или зыбучем песке, – выполз на камни. Присел на корточки – ветер при этом почти не ощущался. Снял рукавицы, сбросил рюкзак, открыл его. Кажется, Василиса укладывала туда термос...

Термос и впрямь нашелся. Маленький, металлический. Чай внутри оказался едва теплым – у Василисы не было времени разогреть самовар.

Зато она плеснула в чай не то коньяка, не то виски. Я даже закашлялся, сделав глоток. Принюхался. Нет, пожалуй, это даже не виски, а ром. На морозе хорошо, конечно, но придется быть осторожнее.

Я сжевал каменный от мороза бублик и сгрыз кусок твердого шоколада. Посмотрел на часы – ого! Прошло уже два часа с того момента, как я оказался на Янусе.

И сколько же я прошел за это время? Если брать чистое расстояние... ну, километров пять. Максимум.

Результат мне не понравился. С каждой минутой будет накапливаться усталость. Меня будет грызть холод и слепить снег. Скорость снизится. Захочется спать. Сколько же еще идти? Часов шесть? Восемь? Десять?

А если, поскользнувшись в очередной раз, я... нет, даже не сломаю, а потяну ногу? Дома можно отлежаться вечерок – и бодро хромать дальше по жизни.

Здесь я просто умру.

И вот тут начал просыпаться страх.

Мы, жители больших городов, привыкли ожидать опасность – но только свою, привычную. Пьяную шпану в подворотне, идиота-водителя на встрече, террориста в самолете, отрав-

ленный близлежащим заводом воздух. Наши опасности большей частью техногенные и человеческие. Землетрясения, цунами и наводнения, как правило, не для нас. Даже в тех городах, где природные пакости случаются, где-нибудь в Токио или Лос-Анджелесе, нормальный гражданин куда больше боится увольнения с работы, чем коварства стихии.

Природу мы привыкли считать покоренной, ничуть не интересуясь ее мнением. И только те горожане, кто привык работать вдали от городов, взирают на опасности мегаполиса со снисходительной улыбкой. Они знают, как быстро и легко убивает сорокаградусный мороз, как перемалывает дома в гравий и щебу оползень, как стряхивает с земли все следы человека землетрясение.

А остальным этого лучше и не знать.

Я поднялся, натянул рукавицы – и поразился тому, как быстро они потеряли тепло. Вроде руки и не замерзли... а рукавицы выстудились... Что ж, урок. Снял рукавицы – спрятал их куда-нибудь под куртку.

Выйдя на гребень снова, я почувствовал, что ветер не то усилился, не то стал холоднее. Впрочем, термометр мои ощущения не подтвердил. Минус десять. Видимо, кажется после отдыха.

Я двинулся дальше.

Холмам, казалось, не будет конца. То, чему на карте придумывались игривые сравнения, в реальности оказалось вымороженными каменными прыщами, вспухшими на моем пути. Я шел сквозь ледяную пургу, то несущую в лицо снежную крупку, то подталкивающую в спину резкими, коварными ударами. Дважды я падал, один раз – погрузившись в снег почти с головой. Выбираться пришлось долго.

Часа через четыре, когда я уже совсем выбивался из сил и начал отчаиваться, Янус вдруг решил смириться надо мной. Ветер стих – мгновенно, будто где-то щелкнули клавишей и выключили исполинский вентилятор. Снежные тучи разошлись, солнце тусклой лампочкой разгорелось в небе (мы, дети мегаполисов, любим сравнивать природные явления с техникой). Горизонт, только что прижатый снежными стенами, стремительно раздвинулся.

И я обнаружил, что почти миновал холмы.

Впереди – не так уж и далеко, километра четыре-пять, стояла башня – очень аккуратная, белокаменная, с рельефными зубчиками поверху. Больше всего она походила на ладью из простеньких дешевых шахмат.

Я оглянулся в надежде, что далеко позади желтой искрой проглянет окошко в доме Василисы. Нет, конечно, ничего уже не увидеть...

– Не так страшен черт... – пробормотал я. Это в городе человек, говорящий сам с собой, вызывает улыбку или брезгливое раздражение. Посреди пустыни, не важно, снежной или песчаной, ты понимаешь, как нам необходим живой голос, и начинаешь говорить с единственным доступным человеком, с самым верным собеседником – с самим собой.

Минут через пять, пользуясь затишьем, я уже начал спуск с последнего холма. Все ловушки остались позади, теперь, как поется в детской песне, – «только небо, только ветер, только радость впереди...». Впрочем, на ветре я не настаивал. Небо и радость меня вполне устроят. Постучусь в дверь...

А если таможенник меня не впустит? Постарается задержать? Ведь паршивую газетенку получают все функционалы.

Пожав плечами, я решил разбираться с проблемами по мере их появления. Никаких призывов задерживать меня в газете не было. И, насколько я понял мораль функционалов, они никогда не совались в чужие дела. Ресторатор кормил, парикмахер стриг, полицейский хватал и не пускал.

По ровной поверхности, как ни странно, идти оказалось труднее. По эту сторону холмов лежал снег. Не слишком глубокий, по щиколотку, максимум по колено, но это все же мешало. Не слишком этому огорчаясь, я некоторое время трудолюбиво месил снег.

Пока не почувствовал, как начинает темнеть.

Судя по положению солнца, до заката было еще часа три-четыре. Но после короткой передышки ветер возобновился, более того – усилился. Тучи заволокли небо совсем уж плотным пологом, вскоре вместо солнца в небе просвечивало тусклое пятно. Снег повалил тяжелыми хлопьями, едва ли не комками. И начало холодать – вопреки всем «верным» приметам, что, когда идет снег, становится теплее. Видимо, это приметы не для Януса.

Я упорно шел дальше. Становилось все темнее, снежные занавеси давно уже скрыли от меня башню незнакомого таможенника. Я шел. Ноги вязли в снегу. Руки мерзли в рукавицах. Когда я остановился на минуту перевести дыхание, то оказалось, что вязаная шапочка на голове вся пропитана потом. Я стянул ее, поколебался – и выбросил, затянув вместо этого потуже капюшон. Достал из рюкзака остатки крошащегося на морозе шоколада, прожевал. Потом откусил кусок промерзшего сала и запил остатками чая из термоса. Чай был уже холодный.

По всем меркам мне оставалось пройти не больше километра. Даже по колено в снегу и в метель – это не дольше получаса. Я еще не выдохся, на километр меня хватит.

Главное – не промахнуться. Не пройти мимо, не миновать башню в десяти шагах.

Но должны же мне помочь прежние навыки? Ну хоть чуть-чуть! Я же чувствовал, куда мне идти, я знал расстояние до своей башни с точностью до метра!

Я шел, а снегопад все усиливался, становился все плотнее. Разгребая руками серую пелену, шаря на ощупь, будто плывя в студне, я останавливался каждые пять минут, оглядываясь, пытаюсь заметить хоть что-то – огонек, стену, темный силуэт в небе...

Ничего. Снег под ногами. Снег над головой. Снег вокруг. И все темней, темней, темней...

Остановившись, я присел, прижал руки к груди. Вокруг бесновалось серое, холодное. Метель, которая вначале стегала меня по лицу колючими брызгами, не ослабевала, но ее касания почему-то стали ласковыми, почти нежными.

А ведь я замерзаю...

Стянув рукавицу и вопреки всем зарокам бросив ее под ноги, я долго протираю глаза и растирал щеки. На веки намерзла ледяная корка. Кожа на щеках ничего не чувствовала и была на ощупь грубой, как брезент.

Ненавижу холод...

Попытавшись спрятать руку обратно, я рукавицу не нашел. Видимо, порыв ветра сдвинул ее куда-то в сторону. Может быть, на сто метров, а может быть, и на один. Все равно – не видно.

Я засмеялся – на крик не было сил.

Все-таки я не дошел. Все-таки они победили. Лабораторная мышка, которой удалось ускользнуть из клетки, вовсе не спаслась. Лабораторные мыши не выживают в природе. Даже если на них не охотиться специально...

Скорчившись, пряча лицо от ветра, я уже и не пытался сопротивляться. То растирал голый рукой лицо, то пытался согреть ладонь дыханием. Все силы уходили на одно – не упасть. Если упаду – усну мгновенно и навсегда.

Хотя стоит ли сопротивляться?

Кончится все равно именно этим.

Глупо. Ведь я же прошел все расстояние. Я перебрался через уродские холмы с их дурацкими буграми пученья и западинами термокарста.

Я всего лишь заплутал. Возможно, в десяти метрах от меня пылает за каменными стенами огонь в камине, и таможенник попивает горячий глинтвейн, с удовольствием поглядывая на неистовство пурги...

Ветер сильно толкнул меня в плечо. Упершись рукой в снег, я не поддался. Ветер толкнул меня снова. Потом подхватил под мышки и поднял на ноги.

Ветер?

Я что-то захрипел, вглядываясь в темноту. Но намерзший на ресницах лед и темнота вокруг уже не позволяли мне хоть что-нибудь увидеть. Я мог лишь едва переставлять ноги, помогая тянущему меня сквозь метель человеку.

Впрочем, почему человеку? Какой-нибудь местный монстр. В Кимгиме спруты, на Янусе – белые медведи... как в упряжке у Санта Клауса... нет, у него олени... вот у нашего Деда Мороза, не склонного к сюсюканью, вполне могли бы быть не кони, а белые медведи...

Голова уже совсем не работала. Я едва шевелил ногами, все глубже и глубже проваливаясь в беспамятство.

И последней, самой страшной мыслью было: «А что, если это мне только снится?»

Глоток спирта обжег горло, жидким огнем прокатился по пищеводу. Задышавшись, откашливаясь, я приподнялся на локтях. Глаза слезились, я никак не мог проморгаться. Единственное, что было совершенно ясно, – я уже в помещении.

Я лежал на грубом шершавом ковре, рядом валялась моя одежда. Человек, только что вливший в меня спирт, заканчивал стягивать с меня брюки. Я видел только общий силуэт – зрение никак не хотело фокусироваться.

– Спасибо, земляк, – пробормотал я.

– Почему земляк?

– А кто ж еще... – я перевел дыхание, – ...будет замерзшего человека... чистым спиртом отпаивать?

– Тогда уж землячка, – надо мной склонилась девушка. Худенькая, миловидная. Молодая, на вид – лет двадцать. Чем-то она напоминала Настю, только попроще. Меня всегда поражало, как неуловима грань между красивой девушкой и просто хорошенькой – один овал лица, одна форма глаз и носа, все похоже – но какие-то неуловимые глазом миллиметры все кардинально меняют.

Впрочем, как раз эта тонкая грань между миловидностью и красотой позволяет женщинам творить чудеса с помощью нескольких граммов косметики.

Некоторое время девушка изучала мое лицо, потом удовлетворенно кивнула:

– Уши, наверное, не отвалятся. Сможете идти? Недалеко?

– Конечно! – преувеличенно-бодро сказал я и попытался подняться. Девушка подставила мне плечо – конечно же, никакое хрупкое телосложение не мешало функционалу даже женского пола иметь силу Ивана Поддубного.

Идти и впрямь было недалеко, до ванной комнаты. Один этаж вверх и короткий коридор. Пока мы шли, я все пытался подавить тошноту – спирт гадким комком бултыхался в желудке, будто превратился там в пригоршню едкого и липучего клейстера. Спирт мне доводилось пить два раза в жизни – один раз подростком, когда ездили с отцом на охоту (да, именно так, это была та самая русская охота, цель которой вовсе не в убийстве несчастных зверюшек). Но тогда мне дали «чуток понюхать для сугрева» после купания в холодной осенней речушке. А один раз я пил спирт уже вполне взрослым человеком. Вечером с друзьями мы распили бутылку водки, вполне ожидаемо решили, что надо продолжить, но идти до ночного супермаркета поленились. Поэтому в круглосуточной аптеке рядом с домом купили несколько пузырьков «жидкости антисептической» по десять рублей – гадкий, но, как мы считали, чистый этиловый спирт, отрада московских алкашей... Самое смешное, что для запивания спирта мы в той же аптеке купили минералку «Перье» и какие-то особо чистые лечебные немецкие овощные соки – и минералка, и соки стоили гораздо дороже обычной водки. То ли спирт оказался не таким уж и чистым, то ли целебные немецкие соки не выдержали такого надругательства и

образовали со спиртом ядовитые соединения – но наутро я маялся самым тяжелым в жизни похмельем, после чего навсегда зарекся пить спирт.

Ванная комната у девушки оказалась немислимо роскошной. Даже сейчас, полуживой от слабости, я что-то восхищенно пробормотал, едва мы вошли в сияющий круглый зал – мраморные стены, бронзовые лампы, огромная круглая ванна в полу, уже наполненная горячей водой и дышащая паром...

– Снимай трусы и забирайся в воду, – велела девушка. – Я сейчас приду.

Смущаться я не стал, хотя было у меня грустное предчувствие, что такое сугубо прикладное обнажение ликвидирует саму возможность каких-то романтических отношений в будущем. Ну какая девушка влюбится в парня, который грел отмороженную задницу в ее ванне?

Хотя с чего я вообще стал строить какие-то планы на эту девицу? Она таможенник-функционал, я беглый преступник... Не выдаст – и то счастье.

Забравшись в горячую воду, я, постанывая от удовольствия, вытянулся во всю длину – размеры ванны позволяли. На воде плавал маленький герметичный пульт. Путем недолгих экспериментов с кнопками я включил и выключил в ванне подсветку (как-то не тянуло на интим), а потом запустил аэромассаж: со дна ванны потянулись вверх ниточки воздушных пузырьков. Меня не то чтобы одолела внезапная тяга к красивой жизни, просто в бурлящей мутной воде я чувствовал себе увереннее.

Через несколько минут вернулась девушка – на этот раз с большой кружкой чая. Я благодарно кивнул, сделал несколько глотков. Чай был горячий и сладкий, с медом. Говорят, что от горячего чая все целебные свойства меда теряются, но меня это не расстроило.

– И как тебя зовут, земляк? – поинтересовалась девушка, присев у ванны. Она была в поношенных джинсах, в слишком большой ей клетчатой рубашке и босиком. В кино такие девушки ждут отважного ковбоя на ранчо...

– Кирилл. – Я не стал врать.

– Редкое имя у тебя... земляк. – В ее голосе слышалась ирония.

– А как тебя зовут? – подозрительно спросил я.

– Марта.

Я пожал плечами.

– Имя как имя.

– Что, такое имя в России есть? – удивилась Марта.

– Есть. Ну... не частое... Так ты не русская?

– Я полька! – Мое предположение было отвергнуто едва ли не с гневом.

– Ага. – Я кивнул. – Ну, надо было догадаться. Кроме русских и хохлов – только поляки способны живому человеку в рот спирт вливать.

– Не могу сказать, что меня это сходство радует, – кисло сказала Марта. – Пальцы чувствуешь? Покалывает?

Я пошевелил пальцами ног, потом рук. Кивнул:

– Нормально. Жить буду, похоже. Спасибо, что привела к башне.

– Никуда я тебя не приводила. – Марта достала из нагрудного кармана рубашки мятую пачку сигарет, зажигалку. – Ты сам пришел.

Она раскурила сразу две сигареты – опять же, что-то в этом было киношное, невсамделишное. Много раз видел такое в старых голливудских фильмах, но никогда – на самом деле. Одну сигарету, не спрашивая, сунула мне в рот. Я с наслаждением затянулся – последний раз я курил еще в Харькове.

Табак был крепкий. Я посмотрел на пачку – сигареты незнакомые, польские, явно недорogie.

И тут до меня дошло.

– Я сам пришел?

– Да. Начал стучать в дверь, я открыла. Ты и бухнулся на пол. А что?

– Помню, как искал твою башню и замерзал, – соврал я, не моргнув глазом. Точнее, не соврал, а сказал часть правды... – Был уверен, что замерзну насмерть.

– Нет, ты сам дошел. – Марта задумчиво смотрела на меня. Видимо, почувствовала недоговоренность...

– Интересно, мы на русском или на польском с тобой говорим? – быстро поинтересовался я.

– На русском, – раздраженно ответила девушка. – Как будто не знаешь, что таможенник с каждым общается на его языке.

– Ага. – Я кивнул. – Газету ты читала?

– Читала.

– Ну и что будешь делать?

Марта поморщилась:

– Как это у вас в сказках? В баньке попарю, накормлю, а потом съем?

– Ну, на Бабу-Ягу ты никак не похожа, – заверил я ее. – Ты давно стала таможенником?

– Девять лет. Я совсем девчонкой была. – Она сильно, по-мужски затянулась сигаретой, с любопытством поглядывая на меня. – Оклемаешься – и вали куда хочешь. Не стану я тебя задерживать. Но и прятать не стану, учти!

– Спасибо и на том, – искренне сказал я. – Скажи, у тебя куда двери ведут?

– Эльблонг...

– Не знаю такого... – пробормотал я. – Это не там, где Кимгим?

– Эльблонг – это польский город! – Кажется, Марта чуть обиделась. – А еще Янус. Антик. И Земля-шестнадцать.

– А это что за мир? – заинтересовался я.

– Отогрелся?

– Угу.

– Пойдем. Накинь что-нибудь... – Она кивнула на висящие на крючках халаты и вышла из ванной.

Один халат был женский, розовый с выдавленным рисунком. Другой мужской, густого синего цвета. Я поискал взглядом стакан с зубными щетками – щеток оказалось две. Марта явно не вела отшельнический образ жизни.

Без смущения или брезгливости запахнувшись в чужой халат, я вышел вслед за Мартой. Ванна и чай меня вполне согрели и привели в чувство. Бежать стометровку мне было рановато, но и опираться на чужое плечо уже не требовалось.

Девять лет – это девять лет. Если моя башня так и не стала мне настоящим домом, просто не успела им стать, то у Марты все было уютно и обжито. Первый этаж – изначально такой же просторный зал, как и у меня, был разгорожен на две комнаты стеллажами, заваленными самыми разными предметами – от горшков с красивыми цветами, упаковок прохладительных напитков и пива до каких-то железяк сомнительного происхождения и скомканной ношеной одежды. При этом общий бардак каким-то образом создавал ощущение уюта и комфорта. На ступеньках лестницы, ведущей на второй этаж, лежала длинная вышитая дорожка. Такие же сельского вида коврики валялись и на полу. А еще я заметил блюдечко с молоком – похоже, где-то тут жила кошка...

– Сюда иди, – велела Марта.

Я подошел вслед за ней к двери. Марта резко распахнула ее и сказала:

– Эльблонг.

Невольно запахнув халат сильнее, я слегка отстранился от двери. За ней был вечерний город со старинными домами, булыжная мостовая, фонарики под старину, сидящие за столиками кафе люди. Дверь выходила на небольшую, полную гуляющего народа площадь.

– Очень уютно, – признал я. – Выход в центре города?
– В центре. – Марта закрыла дверь, прошла к следующей. Открыла ее со словами: – Янус.
– Понятно, – глядя в кипящую снежную круговерть, сказал я. В дверь начало ощутимо задувать. Меня передернуло при мысли о том, что я сейчас мог валяться в этом ледяном аду – закостеневший, глядя в темноту разорванными льдинками глазами. – Закрой!

Марта впервые посмотрела на меня с легким сочувствием. Закрыла дверь, буркнула себе под нос:

– Гадкая Земля, ага. Летом тоже гадкая. Знаешь, что там люди живут?

Я покачал головой:

– Мне говорили, Янус необитаем.

Марта покачала головой:

– Однажды летом я видела парус на реке. Лодка, совсем плохая. Не похожая на наши. А еще тут есть дикие... – Она задумалась, потом неуверенно сказала: – Козы. Больше всего похожи на коз. Я подстрелила одну, она все равно отстала от стада, спотыкалась и падала. У козы в заднице, – Марта похлопала себя по крепкой попе, – оказалась стрела. С костяным наконечником.

Что-то в ее голосе меня убедило. Вопреки мнению прочих функционалов я поверил, что на Янусе есть разумная жизнь. Какие-то кочующие по планете за теплом животные и следующие за ними дикари? Почему бы и нет? Идущие на границе убийственной зимы и изнуряющего лета вечные странники весны... нет, скорее – вечные странники осени, живущие теми плодами, что дает эта негостеприимная земля. Каковы они, наши братья из соседнего мира? Могли бы мы понять друг друга? Подружиться? Могли бы мы чем-то им помочь и чему-то научиться у них?

Функционалов это не интересовало...

Словно услышав мои мысли, Марта сказала:

– Я иногда думаю, что каждый мир веера населен людьми. Только не всегда мы их видим. Может быть, иногда они не хотят, чтобы мы их видели. А если нам ничего не нужно от мира, так мы ведь и не ищем...

Она подошла к третьей двери, постояла в задумчивости. Потом спросила:

– Ты бывал в Антике?

– Нет. Слышал немного.

– Смешной мир. – Она фыркнула. – Далеко не высывайся, если выйдешь из двери – местные тебя заметят.

За третьей дверью был день. Солнечный и теплый. Дверь выходила на узкую улочку, где стояли каменные дома – не из кирпича сложенные, а именно из камня, надежно, но грубо, с узкими щелями то ли незастекленных окон, то ли бойниц, то ли вентиляционных отверстий.

– Торговые склады, – сказала Марта.

Это я понимал. Порталы почти всегда открывались в глухих местах, выходящая на площадь дверь в Эльблонг была скорее исключением из правил. Впрочем... ведь моя башня тоже выросла не на задворках Москвы. Видимо, в родном для таможенника мире проход мог открыться в любой точке. А уж потом он встал в чужие миры осторожно, держась окраин...

– А кто заметит-то? – спросил я.

– Ну вот, слышишь, идут.

Действительно, послышались шаги. Мимо двери, вроде как не замечая ее, прошагали двое – смуглый мускулистый мужчина в свободной белой рубашке и белых штанах и старичок, кутающийся в темный плащ. Оба почему-то были босиком. Мужчина нес на плече длинный серый тубус явно немалого веса и напоминал поэтому гранатометчика из какой-нибудь страны третьего мира, несущего на позицию свой «Вампир» или «Таволгу». Впечатление пор-

тил только сверкающий золотой обруч у него на шее – по обручу шел затейливый узор, и украшен он был как бы не бриллиантами.

– Кто такие? – зачарованно спросил я. Кроме несчастных обитателей Нирваны и очень похожих на нас жителей Кимгима, я других обитателей чужих миров не видал.

– Хозяин с рабом, – сказала Марта. – Здесь рядом склад гробовщика. Видно, человек небогатый, поэтому купил урну для костей хоть и большую, но впрок, без гравировок... да еще и уцененную, похоже.

Я покосился на Марту. Ее лицо было абсолютно серьезным.

– Раб – это тот, что в золотом ошейнике с бриллиантами? – уточнил я.

– Ну да. А что тебя смущает? Богатый раб.

– И бедный хозяин? Он что, не может деньги у раба отобрать?

– Нет, не может. Здесь очень развитое рабовладение. Здесь раб может объедаться трюфелями, фуа-гра и черной икрой, спать на мягкой перине, иметь слуг и содержать любовниц.

– И иметь собственных рабов...

– Нет, – резко ответила Марта. – Вот этого он не может. Привилегия свободного. Тут очень странное общество.

Я посмотрел в спину могучему рабу и дряхлому старичку, спросил:

– А влезут кости-то в эту банку?

– Влезут. Их же перемелют в пыль. Вначале выставят тело на съедение птицам, лисам или рыбам – это уж кто как предпочитает. Потом соберут кости, раздробят и засыпят в этот цилиндр. И уже его водрузят на крыше дома или на кладбище – если дом перейдет не к кровным родственникам.

Меня передернуло.

– Непривычный мир, – согласилась Марта. – Но как-то живет.

Она закрыла дверь и направилась к последней, четвертой. Судя по тому, что Земля-шестнадцать, о которой единственной я спрашивал, была оставлена на десерт, меня ожидало любопытное зрелище.

Но я даже не подозревал, насколько любопытное.

Здесь было два цвета – красный и черный. Растрескавшаяся черная равнина уходила к удивительно близкому горизонту. То там, то здесь тянулись вверх гладкие, зализанные ветром скалы из красного камня. Пахло серой. Сухой жаркий ветер наметал за порог пыль – черную и красную.

Темно-красным, багровым было и небо. Низкое, давящее. На облака это не было похоже, скорее на тугую пленку, натянутую метрах в ста над землей. Временами сквозь багровый полог проблескивали всполохи – будто в небесах кипела беззвучная гроза.

– Господи ты Боже мой! – вырвалось у меня.

Честно говоря, кроме как воззвать к гипотетически существующему Всевышнему, мне ничего и не оставалось. Нет, конечно, можно было бы еще грязно выругаться. Но не при женщине же...

– Я тоже иногда думаю, что это ад, – сказала Марта. Видимо, истолковала мой возглас чересчур буквально.

Я покосился на девушку. Она неотрывно смотрела в багровое небо. Облизнула губы – с красно-черной равнины дул тяжелый, иссушающий ветер. Таинственным шепотом сказала:

– Однажды я видела... мне кажется, что я видела. Что-то белое падало с неба. Что-то... будто большая белая птица...

– Или человек? – спросил я, уже догадываясь, что там она увидела – или придумала.

– У людей нет крыльев, – уклончиво ответила Марта.

– Ты не пошла, не посмотрела?

– Оно было очень большим. Раза в два больше человека. Я испугалась. – Она посмотрела на меня, усмехнулась: – Считают, что Земля-шестнадцать – вулканический мир. Сюда рекомендуют не ходить. Вообще никому. Даже функционалам. Те, кто уходил далеко, – обратно не возвращались.

Равнина за дверью ощутимо заколебалась. Вдали медленным, ленивым волдырем вспух и опал белый колеблющийся купол. По одной из красных скал пробежала трещина.

У нас в башне землетрясение не ощущалось – и это придавало происходящему еще большую жуть.

– Так здесь бывает... – Марта вдруг взяла меня за руку. – Сейчас еще...

Над равниной раскатился долгий протяжный вопль. Будто тысячи голосов слились в мучительной и безнадежной жалобе.

– Что это? – спросила Марта. – Вот что это?

Я сглотнул. Вопль затихал вдали. Чувствуя себя доктором Ватсоном, втюхивающим сэру Генри то, во что он сам не верит, я сказал:

– Вулканы иногда издают странные звуки...

Марта повернулась ко мне. Некоторое время мрачно смотрела мне в лицо. Сказала:

– Я смотрела русский фильм про собаку Баскервилей.

Я пожал плечами:

– Прости. Но я как-то не верю, что ты открыла дверь в преисподнюю, где падают с небес ангелы, а под землей вопят грешные души.

Несколько секунд Марта молчала.

А потом – улыбнулась и захлопнула дверь. Сказала:

– У тебя крепкие нервы. Почти все ведутся. Особенно если удастся подгадать под гейзер.

– Так что там на самом деле?

– Выжженная пустыня. Фумаролы. Гейзеры. Вулканы. Дышать очень тяжело. Один... – она помялась, – один ученый сказал, что когда-то вся наша Земля была такой. Но потом тучи развеялись, вулканы затихли. А вот тут почему-то этого не произошло. Мир ни для чего не годный. К тому же фонит.

– Чего?

– Фонит. Радиация. Как в Чернобыле.

– Сильная? – насторожился я. Марте все равно, она функционал, а вот мне...

– Не сильная. Не бойся. Если не жить там, не спать на земле, не дышать долго их воздухом – то нормально.

Не поддавшись на мрачный антураж Земли-шестнадцать, я, похоже, заработал у Марты какие-то призовые баллы. Во всяком случае, смотрела она на меня куда доброжелательнее. И даже спросила:

– Есть хочешь?

– Конечно.

– Хорошо. Сейчас подберу тебе одежду... – Она замялась, но все-таки продолжила: – Если хочешь, я приглашаю поужинать в Эльблонге.

– Не привык, чтобы меня приглашали женщины.

– И что же? – Как мне показалось, в ее голосе мелькнуло разочарование.

– Придется привыкать, – со вздохом сказал я.

5

Сходство города Эльблонга с Кимгимом не ограничивалось одной лишь фонетикой названия. Городок был еще и застроен домами в стиле «Центральная Европа, эпоха Возрождения и далее». В принципе таких городов полно – там, где их пощадил пресс Второй мировой, где не поработали немецкие пушки, русские «Катюши» или американские «Б-17». Но несмотря на все старания реставраторов, возраст зданий виден. Свернешь с туристической тропки – и наткнешься на облупившуюся штукатурку, осыпающуюся кладку, прогнившее дерево и выщербленный камень.

Здесь же, как и в Кимгиме, все было свежим. Живым. Новеньким. И брусчатка, и фахверковые строения в немецком стиле. Между двумя такими зданиями и была зажата башенка, в которой жила Марта, – со стороны Эльблонга она выглядела узеньким, в два окна трехэтажным домом. Как это водится, обычные люди к дому не присматривались – иначе кого-то мог бы насторожить яркий солнечный свет, прорывающийся в окно третьего этажа. Наверное, Марта оставила открытым окно со стороны Антика...

Мы с Мартой сидели в маленьком ресторанчике, в котором ее явно хорошо знали. Нас с улыбкой провели на второй этаж, где было-то всего пять-шесть столиков. Усадили за самый уютный – у выходящего на площадь окна, от остальных отгороженный увитой цветами деревянной решеткой.

Марта насмешливо посмотрела, как я изучаю меню на польском языке, и сама сделала заказ на двоих. Когда официант отошел, спросила:

– Непонятно?

– Слишком много похожих слов, – пробормотал я. – Поэтому и непонятно. Ты что заказала?

– Борщ. Тут очень хороший борщ. Свинину с яблоками. Салат из сельди. Выпить – зубровку.

– Ух ты. Давно хотел попробовать настоящей польской кухни, – сказал я. И, видимо, опять недооценил Марту – она иронически прищурилась.

– Хочешь чего-нибудь народного? Аутентичного? Хорошо. Сейчас закажу тебе на первое – чернину, на второе – фляки...

– Стоп! – Я поднял руки. – Я парень умный, я подвох чую за версту. Борщ – это замечательно! Я готов признать, что его и придумали в Польше.

– В Польше, – твердо сказала Марта.

Официант принес графинчик с прозрачной жидкостью, в которой плавала тонкая травинка.

– Это не ваша... зубровка, – сказала Марта с презрением. – Это настоящая. С травинкой!

Против правды не попрешь – вот и я не стал спорить. Тем более со спасительницей. Наверное, она была знакома с каким-то очень противным русским, иначе с чего бы такая непрерывная ирония и противопоставление?

Зубровка и впрямь была вкусной – мы молча выпили по рюмке. И борщ великолепный.

– Я утром в Харькове борщом завтракал, – сказал я, стараясь завязать непринужденный разговор. – Сегодня в Польше ужинаю. У меня день борща.

– На Украине вообще не умеют готовить борщ, – фыркнула Марта. – У нас переняли, только все равно – наш борщ лучше.

Несмотря на то что Украина и Россия давно уже не были единой страной, я почувствовал легкую обиду и покривил душой:

– Не знаю, не знаю. Украинский мне больше понравился!

– Это в тебе говорят русские колониальные комплексы, – сказала Марта уверенно. – Все непредвзятые люди знают, что в Польше борщ лучше. Ты селедку попробуй! Вкусная?

– Вкусная, – жуя знакомую с детства селедку, сказал я.

– У нас тут ловят. – Марта ткнула рукой в темноту, будто мимо окна плыл сейнер.

– Эльблонг на море?

– На Балтийском. А ты не знал?

– Ты знаешь, где расположен Урюпинск? – ответил я.

– Знаю. Город в Волгоградской области...

– А без способностей функционала?

Наконец-то у Марты кончился запас национальной гордости – и проснулось любопытство.

– Ты все забыл? Все способности потерял?

Я кивнул.

– А как же ты убил акушерку?

– Да так... – невнятно ответил я. – Не хочу об этом...

– Странный ты. – Марта закурила, протянула сигареты и мне. – Никогда таких не встречала...

– А ты знаешь многих функционалов?

Она молчала, затягиваясь сигаретой. Неохотно сказала:

– У нас тут... трое живут. Я, Дзешук и Казимеж. Дзешук – повар. Не здесь, у него на окраине ресторан. Казимеж – портной. Еще двое могут сюда дойти с хуторов. Квиташ – он мясник. Кшиштоф – полицейский. Земля-шестнадцать – необитаема, Янус, можно сказать, тоже, во всяком случае – функционалов у них нет. В Антике живет Саул. Он функционал-стеклодув. Раб. Он хороший... – Секундная заминка подсказала мне, что Марту и Саула связывает больше, чем знакомство. – Но очень занятой.

– Немного, – подытожил я.

Только сейчас мне стало понятно, как тяжело на самом деле давит «поводок», приковывающий функционалов к их функции. Это у меня были тепличные условия – вокруг вся огромная Москва, да еще и Кимгим, да еще и Заповедник – и современный мегаполис, и уютный, будто из книжек Жюль Верна и Диккенса явившийся город, и теплое ласковое море. А вот разбросанные по городам поменьше, а то и вообще по селам функционалы были на самом-то деле глубоко несчастными людьми.

И Василиса в своей кузне.

И Марта в своей башне.

– Еще есть акушер, – вдруг добавила Марта. – Тот, кто делает функционалов. У нас, в Европе, это мужчина.

– Тоже поблизости живет?

Марта удивленно посмотрела на меня:

– Нет. Не знаю. Какая разница, у акушеров поводка нет! Он вообще-то то во Франции, то в Германии живет, но порой сюда заходит. Это он меня сделал функционалом.

Мы выпили еще по рюмке.

– Тебе сколько лет? – спросил я. – Извини за такой вопрос, но...

– А сколько дашь?

– Двадцать.

– Двадцать и есть.

– И ты уже девять лет как функционал?

– Да.

Я даже не нашелся, что сказать. Я почему-то был уверен, что функционалами становятся только взрослые. А что чувствовала эта девочка, которую внезапно перестали узнавать роди-

тели, соседи, учителя? Как она росла – в своем родном городке, где знала каждую улочку, каждую лавочку? Что испытывала, сталкиваясь с матерью и отцом?

– Вот поэтому я тебя не выдам, – сказала Марта. – Пусть даже ты убийца. Тебя ведь тоже не спросили, хочешь ты стать функционалом или нет?

– Нет. – Я кивнул. – Спасибо. Я тебя долго напрягать не буду. Если можно, то переночую у тебя – и уйду.

– Можно, – глядя мне в глаза, сказала Марта. – Переночуй.

Но в следующую секунду взгляд ее изменился. Она тронула меня за плечо, разворачивая к окну.

– Гляди... Человек на площади!

Между нами и домиком Марты стоял на площади человек. Стоял в какой-то задумчивости, будто выбирал, куда пойти – к таможене или к ресторану.

– Это Кшиштоф Пшебижинский, – сказала Марта.

– Полицейский? – уточнил я и с ужасом понял, что пришепетываю в словах, вовсе этого не требующих. К счастью, Марта то ли не заметила, то ли проявила неожиданную тактичность.

– Да. Он чувствует, где я...

Полицейский с чрезмерно шипящим именем двинулся в сторону таможи.

– Кшиштоф решил дать мне время, – сказала Марта. Посмотрела на меня, закусив губу. Вздохнула: – Отдохнуть у тебя не выйдет. Увы.

– Он меня отпустит? – спросил я, кивая в сторону полицейского.

– Нет. Его функция – ловить нарушителей. – Марта встала и взяла меня за руку. – Пошли...

Навстречу нам сразу же выдвинулся встревоженный официант. Слов я не понял, но судя по тону – он испугался, что мы с Мартой остались недовольны обслуживанием. Но Марта быстро что-то ему сказала, после чего официант открыл перед нами дверь в служебные помещения. По узенькой крутой лестнице мы сбегали на первый этаж, проскочили коридором мимо кухни, где гремела посуда и клубились соблазнительные запахи. Официант смотрел нам вслед. Еще одна дверь – на задний двор – была открыта. Там у контейнера с мусором возился бродячий пес, перебирая лапой выложенную на газетку грудку объедков. Пахло уже иначе. Пахло кислятиной, даже накапывающий дождик не в силах был перебить эту вонь. Невдалеке тянулась речка, неширокая, с каменной набережной, с широким, будто навывост построенным мостом.

– Туда! – Марта решительно указала в сторону моста. – Кшиштоф почти на пределе своего поводка. Если уйдешь на километр – он тебя не догонит.

– И что дальше? – спросил я. – У меня ни денег, ни документов...

Марта запустила руку в карман. Выгребла целую пригоршню монет и тоненькую пачку ассигнаций, перехваченных серебряным зажимом. Добавила мятую пачку сигарет и зажигалку. Буркнула:

– Дай русскому палец, он схватит руку по локоть... Держи!

– Оставь себе... расплатиться.

– Меня тут знают. Да не стой ты столбом! Беги!

– Посоветуй хоть что-нибудь! – Во мне вдруг проснулась не то наглость, не то упрямство. – Куда мне идти?

Марта тряхнула головой:

– Иди через мост! Дойдешь до станции, садись на электричку и езжай в Гданьск! Там три портала, ты и в свою Москву можешь попасть, и куда угодно! Беги!

– Да что ж за день такой сегодня, вторая женщина прочь гонит! – воскликнул я почти всерьез. – Спасибо... я как-нибудь вернусь. Обязательно. И моя очередь будет пригласить тебя в ресторан.

Она лишь пожала плечами. Черт возьми, мне и впрямь не нравился сегодняшний ритм. И распрощаться с Мартой я бы предпочел как-нибудь иначе!

Но тянуть дальше было уже просто глупо.

Я повернулся и побежал к мосту. Собака, выбравшая в объедках кусок повкуснее, гавкнула мне вслед сквозь набитую пасть.

Нет, сегодня точно не мой день. Никогда на меня собаки не лают, даже бездомные. Чуют, что я их люблю...

Мост и впрямь казался слишком широким и помпезным для маленькой речушки и маленького городка. Так же как и огромный католический собор, внезапно открывшийся по правую руку.

Может, в этом и состоит тот европейский секрет, который никак не откроет для себя Россия? Делать все чуть-чуть лучше, чем нужно. Чуть больше. Чуть крепче. Чуть красивее.

Пробежав по мосту, я позволил себе оглянуться. Марты уже не было – наверное, зашла в ресторан. Попробует остановить полицейского? Ну... разве что немножко. Заболтает на минуту-две. Может быть, полицейский и не хочет меня ловить, но его гонит за мной функция. Он может лишь чуть-чуть затянуть с погоней. И то... станет ли? Кто я ему? Во-первых, русский, что в Польше не слишком-то приветствуется. Во-вторых – беглый функционал, что тоже популярности не прибавляет.

Хотя, как ни странно, факт убийства акушерки работает в мою пользу. Оказывается, никто и нигде их не любит...

Городок и впрямь был маленьким – сразу за мостом потянулись поля, то ли заброшенные в силу неплодородности, то ли по-осеннему выглядящие заброшенными. Совершенно пороссийски лежал ржавой кучей металлолом, чуть поодаль – старые покрышки и штабель прогнивших досок. Но дорога, тянущаяся сквозь поля, была прилично асфальтирована, и бежал я легко. Взамен промокшей одежды Марта снабдила меня такой же, какую носила и сама: джинсами, кроссовками, плотной клетчатой рубашкой – сельской униформой двадцать первого века. Носить такую одежду – все равно что стать человеком-невидимкой. Все с лейблами известных фирм, но, похоже, сшито в Польше.

Мелкой рысцой я бежал по освещенной лунным светом дороге, все дальше и дальше удаляясь от городка. Далеко впереди новогодней гирляндой мерцали фонари – то ли вдоль шоссе, то ли вдоль железки. Холодный воздух был чистым и сладким, с легкой горчинкой прелых листьев и далекого дымка. Таким он бывает только осенней ночью вдали от городов.

Было какое-то неприятное ощущение, дежа-вю, в этом ночном бегстве. Мне вспоминалась Иллан, убегаящая от Цая. И я сам, всего лишь сутки назад (трудно поверить!) прячущийся от спецназовцев с Аркана.

Перейдя на шаг, я закурил. Похоже, Марта уговорила местного полицейского не проявлять излишнего рвения. Минуты три я шел в сторону фонарей, покуривая и размышляя, куда двинуться – в Гданьск или сразу в Варшаву, где таможенников наверняка будет больше. Через обычную, человеческую границу мне без паспорта и виз никак не перейти. Разве что, по примеру шпионов из старых фильмов, привязать к рукам-ногам коровьи копыта и на четвереньках рвануть через контрольно-следовую полосу...

Нет, не зря говорят, что курение – опасно для жизни! Я оглянулся совершенно случайно.

Господин полицейский с очень польским именем и фамилией выглядел соответственно – будто пан с каких-нибудь старых карикатур или иллюстраций. Крепенький, с животиком, с пышными усами, коротконогий.

Но при этом мчащийся вслед за мной в знакомой «механической» манере полицейских-функционалов.

Я кинулся наутек. Полетела в пыль недокуренная сигарета, ветер перестал казаться прохладным, стал горячим. Дурак... идиот... расслабился...

– Эй! Эй, парень!

Голос вроде как доносился издали. Я оглянулся на бегу – и остановился.

Пан Кшиштоф Пшебижинский стоял посреди дороги, будто налетел с размаху на невидимую стенку.

Ага.

Я усмехнулся и вразвалочку пошел назад. Остановился метрах в двадцати от полиции. Пан Кшиштоф мрачно расхаживал вправо-влево, будто голодный тигр у решетки в зоопарке.

Решетка и впрямь была, только невидимая. Точнее, не веревка, а «поводок». Проклятие любого функционала.

– Далеко от функции? – спросил я любезно.

– Одиннадцать километров и шестьсот двадцать метров, – мрачно ответил Кшиштоф.

– Бывает, – кивнул я. – Ты что-то хотел спросить?

– Подойди поближе, – попросил полицей.

В ответ я обидно рассмеялся. Достал и закурил новую сигарету.

– Слушай, парень... как там тебя...

– Кирилл.

– Тебя ж все равно поймают! – Пан Кшиштоф похлопал себя по карманам. – Эй... сигареты не будет?

Я достал из пачки половину оставшихся сигарет, переложил в карман. В пачку запихнул подобранный с земли камешек – и бросил полицейу.

– Какое оскорбительное недоверие! – воскликнул Кшиштоф. – Тебе должно быть...

– Стыдно? – заинтересовался я.

Кшиштоф вздохнул, сел на корточки. Закурил. Горько произнес:

– Нет, ну ведь все равно тебя поймают... Такое учудить... никуда теперь не денешься.

Против своих же братьев пошел!

– Да что ты несешь! – не выдержал я. Тоже присел. – Вы все – пешки! Вами управляют из другого мира.

– Из какого?

– Земля-один, Аркан. Они ставят на других мирах социальные эксперименты!

– Слушай, а я и не знал. – Кшиштоф нахмурился. – Может, пойдем назад, в ресторан? Посидим, расскажешь мне все. Если нами и впрямь какие-то гады в своих интересах крутят... да что ж мы, не славяне?!

То ли я от природы наивен, то ли у полицейских есть дар убеждать – но несколько секунд я всерьез рассматривал эту мысль.

Лишь потом рассмеялся:

– Про славянское единство – ну, это перебор!

– Верно, – с досадой согласился Кшиштоф. – Но я подумал, вдруг прокатит?

Некоторое время мы курили, сидя друг напротив друга. Потом я сказал:

– Пойду, пожалуй. Передай начальству, что я конфликтовать не собираюсь, но и сдаваться не намерен.

– Передам, – согласился Кшиштоф. Как-то уж неожиданно легко.

– Мешает поводок, верно? – спросил я.

– Мешает. – Кшиштоф встал. – Поэтому я всегда делаю вид, что поводок натянулся загодя. Когда в запасе есть еще метров сто.

Я тоже вскочил. Напрягся. Успею? Успею... наверное.

– Ну поймай... если сможешь.

– А еще хорошо, – продолжал Кшиштоф, тихонько посмеиваясь, – когда зоны у полицейских перекрываются. Хотя бы чуть-чуть. Тогда можно сойтись, к примеру, втроем – и схватить любого самоуверенного придурка.

Они окружили меня с трех сторон. Дорогу к Эльблонгу перекрывал Кшиштоф, дорогу, по которой я шел, – женщина средних лет, с лицом суровым, будто у кондуктора в автобусе; со стороны полей легким, грациозным бегом приближался молодой худощавый парень.

Впрочем, было понятно, что молодость и subtilность сложения не мешают ему раскатать меня в коврик, вытрясти о колено и положить под дверь.

И даже если бы добрая девушка Марта решила мне помочь, как это делают все симпатичные девушки во всех голливудских боевиках после того, как героя окончательно припирают к стенке, нас бы вместе отшлепали и поставили в угол.

Трое полицейских – это не шутки.

Я рванулся в поля, рассчитывая, что сумею проскочить между женщиной и парнем – ну а Кшиштофу все-таки мешает поводок. Я не учел одного – отсутствие огнестрельного оружия, чуть ли не принципиальное им пренебрежение, вовсе не означало, что полицейский опасен лишь вблизи.

Кшиштоф взмахнул рукой – и камешек, тот самый, что я сдуру положил в пачку с сигаретами, ударил меня под колено. Нога мгновенно подломилась, и я упал. Стопа и голень онемели и покалывали, будто их засунули в ледяное крошево.

– Я же говорил – никуда не денешься! – укоризненно крикнул Кшиштоф. – Ну и зачем было заставлять себя калечить? Думаешь, мы злодеи какие-то? Думаешь, нам это приятно?

Они неторопливо сошлись надо мной, корчащимся даже не от боли – нога не болела, а просто не чувствовалась, – от бессилия и обиды. Три любопытные физиономии темными пятнами нависли надо мной. Вздумалось же мне перекурить! Спасусь – брошу! Вот честное слово, брошу!

Парень несильно пнул меня в бок. И за это заслужил от Кшиштофа подзатыльник:

– Ты что делаешь? Твое поведение недостойно культурного человека!

– Проверяю, не притворяется ли, – с обидой ответил парень.

– У меня не притворится, – с гордостью сказал Кшиштоф. – Я, если не в курсе, с двадцати метров стальным шариком дверцу автомобиля пробиваю! Насквозь!

Он протянул мне руку:

– Вставай.

Вам когда-нибудь доводилось валяться под ногами трех недружелюбно настроенных граждан? Пусть даже и не стремящихся немедленно переломать вам ребра?

Возможно, что и случалось, дело-то житейское. Тогда вы помните, что удовольствия в этом мало. А если не случалось – что ж, поверьте на слово. И не рвитесь проверить.

– Вставай, – повторил Кшиштоф. – Мы к тебе по-хорошему, сам видишь...

Конечно, я бы встал. Ну куда бы я делся?

В конце концов, получил бы пару пинков от молодого паренька – и встал.

Только в это мгновение на фоне темного неба мелькнула длинная светлая жердь – и приложила пана Кшиштофа по затылку. Я впервые в жизни убедился, что «глаза вылезли из орбит» – это не фигура речи. Пан Кшиштоф выпучил глаза и тяжело рухнул оземь. А доска пошла на второй круг, смачно врезалась в физиономию молодого парня, с хрустом сломалась, после чего обломок стукнул по темени женщину-полицейскую.

Я с трудом сел – в окружении трех неподвижных тел. Учитывая живучесть функционалов вообще, а уж полицейских особенно, удары приходилось счесть мастерскими.

– Зараза, – мрачно сказал я, глядя на человека, держащего в руках остатки жерди. – Ну ты и зараза!

– Я тебя спас – и я же еще зараза? – возмутился Котя, поправляя очки. – Нет, вы посмотрите на этого уродца!

Смотреть было некому – полицейские лежали вповалку.

– А что так примитивно? – мрачно спросил я. – Доской по башке... с твоими-то возможностями... куратор?

– При чем тут возможности? – Котя откинул доску. – Нет ничего надежнее крепкого дрына! Не веришь – дождись, пока очнута, и спроси!

– Я уж... лучше... – Я попытался встать и был вынужден опереться на Котину руку. – Черт... нога не гнется.

– Просишь прощения, что ругался? – спросил Котя.

– Да никогда! Ты меня вообще задушить хотел!

– Вот я так и знал... – Котя провел рукой, и перед ним в воздухе высветилась диковинная светящаяся вязь. – Пошли!

– Куда? – все еще хорохорился я, хотя женщина-полицейский застонала и пошевелилась.

– Ко мне домой.

Особого выбора у меня не было. Я оперся о Котино плечо покрепче и шагнул в пылающие зеленым огнем буквы – будто в футуристическую рекламную надпись.

6

Проще всего понять человека, увидев его дом. Был у меня знакомый, которого все считали удивительным раздолбаем, – мог он неделю шарашиться по гостям, тусоваться в незнакомых компаниях, спать на полу, укрывшись грязным полотенцем, питаться килькой в томате и прошлогодними заплесневелыми сухариками. Впрочем, при этом он сохранял и некую благопристойность в облике и не увлекался пьянством – так что его поведение все списывали на удивительную житейскую неприхотливость.

Каково же было мое удивление, когда я впервые побывал у него дома. Маленькая двухкомнатная «распашонка», доставшаяся парню от усопшей в преклонных годах бабушки, была любовно отремонтирована – ну, может, и не «евроремонт», который стоит дороже самой квартиры, но уж всяко и не визит бригады пьяных молдавских шабашников. Дорогие деревянные окна со стеклопакетами, пол пусть из простого, но наборного паркета, а не какого-нибудь там ламината, – причем не залакированный, а натертый мастикой! Все современно, аккуратно, со вкусом – можно подумать, что тут живет молодой талантливый дизайнер, а не журналист, пишущий о компьютерных железяках для профильных изданий. Кухня потрясала огромной плитой с какими-то хитрыми режимами работы и вместительной духовкой – причем видно было, что она не стоит без дела. А окончательно меня добил огромный портрет бабушки, не без таланта написанный темперой и висящий на стене в красивой раме. Портрет был работы «раздолбая».

После этого я решил, что никогда не буду судить о людях, пока не побываю у них в гостях.

У Коти я бывал неоднократно и был убежден, что знаю его как облупленного. Впрочем, стоило ли так говорить после того, как мой давнишний приятель оказался функционалом, более того – куратором, главным над функционалами на Земле?

Почему-то я был убежден, что мы окажемся не в московской квартире Коти, а где-то совсем в другом месте. И на этот раз предчувствие меня не обмануло.

В самом перемещении не оказалось ровно ничего удивительного. Будто вышел в открытую дверь, ну или из таможенного портала в другой мир. Никаких жутких мук или, напротив, райских наслаждений, которыми, по мнению фантастов, сопровождаются нуль-транспортники, гиперпереходы и прочие выдуманные способы перемещения.

Мы просто исчезли с дороги вблизи польского городка Эльблонга и появились в другом месте.

Я не очень-то люблю ругаться.

Но сейчас выругался – и от неожиданности, и от резкой боли в ушах. Пришлось несколько раз глубоко зевнуть, чтобы уши отпустило. А вот опытный Котя, как я заметил, путешествовал через пространство с широко раскрытым ртом.

Мы стояли в центре круглой мраморной беседки. Над головой – купол, вроде как из белого мрамора, настолько тонкого, что он просвечивал будто матовое стекло. Купол опирался на темно-зеленые колонны, покрытые спиральной резьбой. Пол тоже был мраморный, зелено-белый.

Но самым потрясающим был пейзаж вокруг.

Высоченные горы со снежными шапками на вершинах. Заходящее солнце подсвечивает легкие пряди облаков – розовым, сиреневым, фиолетовым. Воздух холодный и разреженный.

– Мы что, на Марсе? – спросил я.

– Тебе виднее, я там не бывал, – пробормотал Котя. – Блин... холодрыга какая... Это Тибет.

– Шамбала? – снова попытался пошутить я.

– Да, – кивнул Котя. – Пошли... холодно тут.

Холод и впрямь пробирал до костей. Продолжая опираться на Котю, я вышел из беседки. Вниз по крутому склону уходила каменная лестница – к маленькой долине между складками гор. Там, огороженные высокой каменной стеной, высились какие-то строения. Рыжий, изъеденный временем камень стен, крошечные окна – будто бойницы. Буддистский монастырь?

– Монастырь? – спросил я.

– Не совсем. Официальная резиденция куратора в нашем мире.

Я посмотрел на Котю и покачал головой:

– Все-таки ты зараза...

– И почему?

– Будто не знаешь, как я мечтал побывать в Тибете!

Котя покрутил пальцем у виска.

– Нет, ты точно спятил... Пошли вниз, а то твой визит в Тибет будет первым и последним.

Опираясь на его плечо, я заковылял вниз. Котя сопел и пыхтел, будто не обладал силами функционала. Ох и мастер же он притворяться...

Я вдруг подумал, что у меня совершенно нет на него обиды или злости. Будто и не пытался он меня убить. Будто не был ответственным за все безобразие, творившееся со мной и вокруг меня...

А ответственный ли он – на самом-то деле?

Откуда я знаю, кто или что такое «куратор»? Что он может, а что нет? Какие «поводки» для него существуют?

– Нам надо будет серьезно поговорить, Котя, – сказал я.

– Надо, – виноватым голосом произнес Котя. – Разве я спорю...

– Дать бы тебе, чтобы сразу с Тибета и до Пекина долетел, – мечтательно сказал я. И почувствовал, как Котя вздрогнул. – Что, боишься?

– Побаиваюсь, – признался Котя. – Что ж ты ляхам не надавал оплеух? Как мне в машине?

– Да так... в целях разрядки международной напряженности. Чтоб конфликта какого не вышло. Чтобы не обижались.

Котя фыркнул:

– Ну извини. Я был не в курсе, а то оставил бы тебя на дороге... да держись же ты!

Поскользнувшись на обледенелой ступеньке, я едва не полетел вниз. Котя с трудом удержал меня. Остановился и печально сказал:

– Нет, ну где эти кретины? Опять свои колеса крутят? Я же велел – один всегда должен следить за беседкой!

– Какие кретины, какие колеса? – спросил я.

Словно отвечая на мой вопрос, двери самого большого строения распахнулись. Из них оранжевыми апельсинками посыпались толстенные люди в просторных балахонах.

– А говорил – не монастырь! – укоризненно сказал я.

– Я говорил «не совсем», – поправил Котя. – Надо же им чем-то заниматься? Понимаешь, я ведь для них...

– Будда? – с любопытством спросил я.

– Нет. Но максимально приблизившийся к нему праведник, – с гордостью сказал Котя.

– Ага. Праведник. «Девочка и ее пес», – негромко сказал я.

– Чего?

– Нет, нет. Ничего. Праведник так праведник... «Восьмиклассница и физкультурник».

На этот раз Котя расслышал. И, к моему удивлению, смутился.

Монахи тем временем уже приближались к нам, поблескивая бритыми головами. Оранжевые тоги будто светились в вечернем сумраке.

– Так, так... – Котя призывно помахал им рукой. Что-то гортанно выкрикнул, ему ответили – и несколько монахов кинулись обратно. Котя сообщил: – Послал самых смышленных готовить нам горячие ванны. Ты как хочешь, а я продрог.

Примерно через полчаса я, сидя по горло в горячей воде, наполняющей высокую деревянную лохань, пил из глиняной пиалы обжигающий напиток, который Котя назвал тибетским чаем. На вид эта буро-зеленая маслянистая жижа напоминала скорее кисель. На вкус... ну да, крепкий чай, в который от души набухали жира и соли, а потом все сбили в густую суспензию. Уверен, что дома я и глотка бы не выпил. Даже ради любопытства. Даже в каком-нибудь модном ресторане.

Но здесь напиток почему-то пился. И даже доставлял удовольствие.

По соседству располагалась еще одна лохань, в которой отмокал Котя – с такой же пиалой в руках. Чай он пил с причмокиванием и восторженными оханьями, показавшимися мне несколько преувеличенными.

Помещение, где нам устроили «ванны», было небольшим, с низким закопченным потолком. Все здесь было темное – от времени, от дыма, от въевшейся грязи. Пол, как мне показалось, был из утоптанной до состояния камня земли, сверху слегка присыпанной какими-то сухими травами. Единственными анахронизмами были веселенькие резиновые коврики для ванной – розовые, с утятами и рыбками, брошенные на пол возле наших лоханей. Ну и чудовищный агрегат китайского производства, совмещающий в себе лампу дневного света, маленький черно-белый телевизор, радиоприемник и еще какие-то приамбасы. Лампа светила, телевизор тоже работал, хоть и показывал одни только атмосферные помехи. Приемник похрюкивал, временами выплевывая отдельные нечленораздельные слоги:

– Син... бай... сем... иц... ка... ец...

Китай, понятное дело...

Появились Дава и Мимар – те самые «смышленные монахи». Каждый нес по ведру горячей воды, которую они и принялись понемногу подливать в лохани. Потом Мимар (впрочем, может быть, это был Дава?) достал серый мешочек, развязал и подсыпал в воду какой-то сушеной травы.

– Это что? – подозрительно спросил я Котю.

– Древняя тибетская медицина. Ну что смотришь так подозрительно, не знаю я! Какие-то травы. Для аромата. Или для здоровья.

– А как я еще могу на тебя смотреть? – Я пожал плечами. Монахи тем временем вышли, все такие же отрешенные и безмолвные. – Ты мне врал все время, сколько я тебя знаю! Притворился обычным человеком! Потом пытался убить! Можешь это как-то объяснить?

– Могу, – непривычно серьезным тоном ответил Котя. И, помолчав, добавил: – Спрашивай – я буду отвечать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.